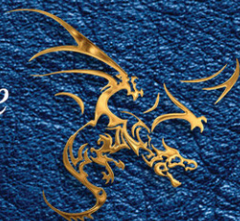

Колдовские

Миры

МОЙ (НЕ)ЛЮБИМЫЙ ДРАКОН

Выбор альянсы

ВАЛЕРИЯ
ЧЕРНОВА

Колдовские миры

Валерия Чернованова

**Мой (не)любимый
дракон. Выбор алианы**

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Чернованова В. М.

Мой (не)любимый дракон. Выбор алианы / В. М. Чернованова —
«Эксмо», 2018 — (Колдовские миры)

ISBN 978-5-04-099005-4

Принять участие в отборе невест и нажить кучу врагов? Как оказалось, это совсем несложно. Влюбиться в ледяного дракона? Тоже было довольно просто. Вот только как отдаться этому чувству, когда в другом мире остался законный муж? Заговорщики и соперницы неустанно плетут интриги. А расплачиваться за победу, возможно, придется ценой собственной жизни. Но я, в прошлом Аня Королева, а ныне княжна Фьярра-Мадерика Сольвер, предпочитаю не думать о худшем. И продолжаю верить, что настоящая любовь сильнее любого проклятья и не позволит мне превратиться в лед.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099005-4

© Чернованова В. М., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	46
Глава 10	53
Глава 11	62
Глава 12	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Валерия Михайловна Чернованова
Мой (не)любимый дракон. Выбор алианы

© Чернованова В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Все любят хеппи-энды. Жаль, не всегда они случаются в жизни. И только заядлые мечтатели и неисправимые оптимисты верят в такие сказки. Им постоянно слышится мажорный аккорд.

Увы, в мелодии моей жизни преобладают минорные ноты.

Наверное, я законченная пессимистка, потому что с недавних пор ни в какие «и жили они долго и счастливо» не верю.

С недавних – это с сегодняшнего вечера, который можно сравнить с виражами на американских горках. Когда то летишь вверх, то ныряешь вниз, и тебе то страшно до чертиков, то дух захватывает, и в животе хлопают крыльями сотни бабочек.

Танец со Скальде – это как раз про тех самых бабочек и про стремительный полет до небес. Нападение Крейна – поворот в мертвой петле, после которого несешься в бездну. Поцелуй с тальденом – снова взлет к солнцу, выше облаков. А потом...

Я сама столкнула себя из поднебесного рая на грешную землю. Падение было коротким, приземление – болезненным. Насмерть не разбилась, но сердце все в трещинах.

Надо будет спросить Хордиса, нет ли у него еще какого-нибудь обезболивающего. Чтобы в груди так противно не ныло. А лучше пусть даст мне общий наркоз. Хоть выплюсь нормально.

Еще бы раздобыть обидоутоляющих капель. Но вряд ли они найдутся в аптечке целителя.

И ведь не на кого свалить вину, сделать крайним. Сама влюбилась. Сама оттолкнула. Прервав самый умопомрачительный поцелуй в своей жизни.

Запаниковав, я отстранилась от Скальде, лишая себя тепла его объятий, ласки таких желанных губ. Стирая мимолетные мгновения счастья, как будто их и не было.

– Это неправильно, – пушечным залпом прогремело в тишине опрометчивое.

И зачем только сказала... Ненормальная.

Спустя секунды, а может, вечность его напряженного молчания и моего прерывистого дыхания, услышала:

– С Крейном тоже так было? Сначала позволяла вокруг себя крутиться. Потом, когда надоел, оттолкнула.

Слова ударили пощечиной.

Ревность и злость, полыхнувшие в глазах дракона, скрыл уже ставший привычным лед. Он затянул мутной коркой ясную радужку, и меня обдало холодом. Казалось, вокруг нас вот-вот закружит вьюга, снежная метель подхватит меня и бросит в сугроб.

Внутри всколыхнулась обида, замешанная на собственных страхах и сомнениях.

– Значит, вот какой вы меня считаете? Девушкой легкого поведения, соблазняющей всех подряд? – Только что поцелуи Ледяного были так сладки, а теперь на губах горчило от его слов. – Герцогов, тальденов... Ваше великопение, я уже давно не в том возрасте, чтобы играть чувствами. И никогда не рассматривала мужчин в качестве игрушек.

– Вас постоянно видели вместе, – хлестнул упрёком.

Тьма в сумрачном взгляде густела, становясь непроницаемой. А я-то, наивная, понадеялась, что прощена и помилована. Но Герхильд вдруг решил начать меня «казнить».

– Ну простите, что не зарывалась в снег всякий раз, когда он оказывался рядом! Я с ним встреч не искала. Может, еще оправдаете Крейна и посочувствуете ему? Скажете, что поступил правильно, проучив кокетку за легкомыслие. Какой молодец!

– Ты извращаешь мои слова, Фьярра, – процедил, будто лед зубами крошил. – Крейна накажут за то, что он тебе... с тобой сделал. Я просто пытаюсь понять, почему это произошло.

Тожe мне, сыщик доморощенный.

Черты лица Герхильда заострились, стали еще более резкими, будто высеченная из камня маска. Свободная рубашка скрадывала тело, но я скорее чувствовала, чем видела, как мышцы бугрятся от напряжения на руках, на груди тальдена. В то время как в душу к нему на шабаш слетались ведьмы и прочая нечисть.

Правду говорят, все драконы – неисправимые собственники. А еще ревнивцы, каких свет не видывал. Даже Ледяные. Любить не умеют, зато ревновать – слепо, до бешенства – это сколько угодно. И вот сейчас его подмороженное великолепие бесится от того, что кто-то другой посягнул на желанную добычу. Осмелился ее целовать.

Наверное, потому и пришел. Чтобы стереть прикосновения губ Крейна, своим поцелуем наложить печать. Подтвердить право собственности. А не потому что беспокоился, каково мне сейчас, после того, как чуть не стала жертвой насилия. Поставил тавро, как на любимой корове.

И еще чем-то недоволен!

– Я устала и хотела бы отдохнуть. Вам в любом случае не следует здесь находиться, – выразительно покосилась на дверь.

Тальден усмехнулся, напоследок всадив мне взглядом в сердце осколок льда, и, бросив холодно: «Доброй ночи, эсселин Сольвер», ушел, так и не поняв, что же со мной на самом деле происходит.

Не пожелав понять.

Впрочем, откуда Скальде было знать, что я оттолкнула его не из-за обиды. Не из-за того, что такой ревнивец и собственник. И даже не из-за угрызений совести перед Лешей. Последняя уже давно скончалась в муках. Вместе с любовью к мужу.

Я просто испугалась, что могу в любой момент потерять то, что стало для меня по-настоящему важным.

Скальде целовал эсселин Сольвер, прекрасную княжну Лунной долины... Ладно, не прекрасную, а подсвеченную синяками. Но все равно княжну. Вот только я никакая не княжна. Я просто Аня. Аня Королева. Девушка из другого мира, которой никогда не стать ари. Даже если Герхильд из всех алиан выберет меня и после первой брачной ночи я не превращусь в ледяной памятник, для меня хеппи-энда все равно не случится. Ведь мое место сразу займет Фьярра.

Коза драная.

Жаль, что я не Скарлетт О'Хара, которая все проблемы благополучно оставляла на завтра. Увы, у меня никогда не получалось кормить себя «завтраками». И я не робот, чтобы отключать мысли на ночь. Ставить неприятные, разъедающие душу чувства на паузу.

Наконец-то перестала врать самой себе и призналась, что влюблена. По уши, безвозвратно и без всяких привязок. И мне совсем не хочется продолжать обманывать Скальде. Ну не могу я с ним целоваться и при этом прикидываться той, кем на самом деле не являюсь!

– Ну и что прикажешь делать? – спросила преспокойно дрыхнувшего возле камина Снежка.

В ответ кьерд лениво дернул хвостом, усыпав пол вокруг себя искрящимися снежинками. Как будто от назойливой мухи отмахнулся. От меня. Наверное, таким образом питомец хотел сказать: отстань! Мне не до ваших сердечных метаний. Сами разбирайтесь.

Я обвела комнату задумчивым взглядом. Поймала в зеркале свое отражение – в серебряной глади маячила хрупкая светловолосая девушка.

Не я.

Это было не мое тело, не мой мир, не мое время. Но мужчину, с которым меня свела судьба, – его безумно хотелось назвать своим. И чтобы он узнал настоящую меня. Полюбил Аню, а не Фьярру.

– А знаешь что? – Кьерд не знал и не хотел знать. – Возьму и разберусь!

«По-хорошему следовало с этой мыслью сначала переспать и уже потом что-то решать», – так думала я, спеша коридорами замка в крыло, где располагались покои будущего императора.

Время уже давно перевалило за полночь. Праздник кончился. В замке хозяйничали сумрак и тишина. Меня встречали и провожали блики пламени на стенах и стекающие по ним, расползающиеся по полу причудливые тени.

Я шла, с силой сжимая кулаки, раздражаемая сомнениями. Что, если Блодейна узнает, и тогда пострадают мои близкие? Что, если Скальде меня не поймет? Что, если, признавшись, сделаю только хуже? Себе, ему.

Всем.

Обернулась, вглядываясь в следующий по пятам полумрак. Еще не поздно повернуть обратно... Ногти впивались в ладони, оставляя на коже глубокие борозды, но боли я не ощущала. Не чувствовала ничего, кроме навязчивого желания во всем сознаться.

Я его люблю? Люблю. Хочу ему врать? Не хочу.

Не могу.

И не буду!

Не стану больше идти на поводу у чертовой колдуньи!

Отбросив сомнения, ускорила шаг, спеша скорее добраться до покоев тальдена. Не знаю, как обойду стражу. Не знаю, как к нему попаду.

Главное, сегодня... Сейчас! Я все ему расскажу!

* * *

Пленник не сдавался. Бесцветным голосом, словно заведенный, твердил об одном и том же: алиана сама его спровоцировала. Сама дала повод считать, что он ей интересен. Ни угрозы пыток, ни обещание скорой казни не изменили его признаний.

Вглядываясь в искаженные мукой черты лица узника, в его странно горящие в темноте глаза, Скальде не мог понять: то ли Крейн совсем не боится смерти, а потому продолжает врать. То ли перед ним сумасшедший, живущий в мире собственных извращенных фантазий.

В которых Фьярра могла его желать.

Впрочем, в безумие герцога тальден не верил. Не верил он и во внезапно вспыхнувшее чувство к эсселин Сольвер. Такие люди, как Крейн, – скользкие, хитрые, расчетливые – никогда не пойдут на поводу у эмоций. Им чужды любые страсти, кроме единственной – жажды поживы и власти.

Все то время, пока находился в подземелье, у решетки, отгородившей его от сырой, затхлой клетки – временного пристанища пленника, – Скальде боролся с искушением превратить того в ледяное крошево. Или просто, не прибегая к магии, разорвать подонка в клочья.

Зверь, с рождения живущий в тальдене, рвался наружу. Не просил – требовал дать ему волю. Чтобы самому расправиться с ублюдком, причинившим боль хрупкой, беззащитной девочке. Которую по праву считал своей.

Неимоверным усилием удалось обуздать гнев, унять бешеное биение сердца, разгонявшее по телу кровь. Смертоносным ядом жгла она вены. Наверное, оттого мутился рассудок и ледяная мгла застилала взор.

Поддайся тальден сиюминутной слабости, уступи отчаянному реву зверя, и разнес бы к таграм все подземелье. Тогда погиб бы не только пленник – пострадали бы маги, явившиеся допрашивать Крейна.

Дракон затих, только когда на него перестали давить каменные своды подземелья. Скальде ушел от греха подальше, прежде наказав своим людям разговорить узника во что бы то ни стало. Вытянуть из него правду.

Тальден не сомневался: герцог – всего лишь пешка в руках Хентебеси́ра. Оставалось выяснить, какую игру затеял князь, зачем пытался выставить Фьярру распутницей. Может,

тогда у старейшин наконец откроются глаза. Глупцы продолжали благоволить Игрэйту и считали его вполне приемлемой альтернативой теперешнему правителю.

Беспокойные видения вспышками молний вспарывали туман, клубившийся в сознании: алиана в разодранном платье. Напуганная, дрожащая, с кровоподтеком на лице – следом пощечины. Один на один с животным. С этим темнодольским отродьем.

Его не было рядом, когда она так в нем нуждалась. Словно наяву, как будто все случилось какое-то мгновение назад, Скальде видел слезы, застывшие в небесно-голубых глазах. Отпечатавшийся в них страх.

Если бы не кьерд, если бы не почувствовавшая неладное служанка... Будущее Фьярры стало бы тем самым крошечком, в которое тальден мечтал превратить Крейна.

От этих мыслей дракон внутри снова яростно заворочался, доставляя Герхильду почти физическую боль. Зверя непреодолимо влекло к девушке с мятежным взглядом, такими чувственными губами, медом пахнущими волосами. Она вся была сладкой, желанной, манящей. Дракон стремился к ней, желал быть с ней. Желал ее.

Того же самого хотел и Скальде. Хоть и опасался чувств, что Фьярра в нем вызывала. Сначала внезапно проявившаяся таэрин. Теперь его зверь сходит с ума. У Ледяных такого не бывает. Никогда.

Это Огненными в выборе пары зачастую руководит живущий в них хищник. Они привыкли полагаться на чувства и инстинкты. Ледяные – на холодный рассудок.

Но рядом с этой девочкой сложно было оставаться холодным и рассудительным.

Быть Ледяным.

Она откликнулась на его поцелуи. Потянулась к нему всем своим естеством, щедро даря тепло, отдавая нежность и ласку. Мягко зарывалась пальцами в его волосы, приподнималась на носочки. Лишь бы быть к нему ближе. А он пил ее дыхание – хмельной, сладкий и такой опасный напиток. Вбирал в себя тихие вздохи-стоны и чувствовал, что с каждой секундой, вместо того чтобы утолить эту сумасшедшую жажду, желает ее все больше.

И Фьярра отвечала ему взаимностью.

Тем неожиданней оказался внезапный холод, которым вдруг повеяло от нее. Резкие слова:

– Это неправильно!

И взгляд, стыдливо отведенный в сторону.

Как будто чувствовала перед ним вину. Как будто что-то от него скрывала.

– С Крейном тоже так было? – В груди полыхнула ревность, которую Фьярра в нем мастерски разжигала. – Сначала позволяла вокруг себя крутиться. Потом, когда надоел, оттолкнула.

Сам не понял, зачем сказал это. Вспылил. Вдруг снова разозлился. Снова увидел перед собой Крейна, иступленно целующего девушку. От этой картины рассудок окончательно помутился. А еще от слов, брошенных безразлично:

– Я устала и хотела бы отдохнуть. Вам в любом случае не следует здесь находиться.

Алиана всем своим видом давала понять, что мечтает избавиться от его общества.

Злость, раздражение, гнев снова кипятком обжигали внутренности. Тальден было ринулся обратно в подземелье. К счастью, вовремя сумел себя остановить. Там он точно свихнется, и тогда Крейн не то что до суда не доживет. Даже исповедаться не успеет.

А Скальде нужны были ответы.

Возле императорских покоев, оглашая пустынную галерею громким храпом, спал стражник, явно позволивший себе лишнего на празднике. По-хорошему следовало наказать нерадивого охранника, но Герхильд его даже не заметил. Все мысли были о Фьярре. О девушке, лишившей его привычного покоя.

Она была так переменчива, так непостоянна. Как ветер, как море во время шторма. То бежала к нему, то рвалась прочь, от него. Казалось, она с ним играет... А Скальде ненавидел ужимки, уловки и игры. Все то, что так нравилось прекрасным созданиям.

– Что ты здесь делаешь? – бросил раздраженно, заметив в полумраке спальни ожидавшую его непрошеную гостью.

Глава 2

Далива мысленно порадовалась, что все так удачно складывается. Она беспрепятственно прошла в покои будущего императора, проскользнув мимо крепко спящего стражника. Раньше, всего каких-то несколько недель назад, в Ледяном Логе перед ней открывались любые двери. Но теперь даже конюхи и поварята в курсе, что она больше нежеланна для наследника.

Пришлось подстраховаться. Подговорить пажа, чтобы угостил охранника вином из императорских погребов. Отменный крепкий напиток, в который ее сиятельство предусмотрительно добавила несколько капель зелья, что в последние ночи помогало ей бороться с бессонницей и мигренью.

Скальде не обнаружился ни в спальне, ни у себя в кабинете. В других комнатах его тоже не было, что дало графине время подготовиться к соблазнению.

Далива дрожала. Не то от холода, не то от волнения. А потому подбросила поленья в недра каминов и поворошила кочергой угли. Зажгла свечи, чтобы в комнате стало светлее и в то же время не истончилась вуаль полумрака.

Стоя перед напольным зеркалом, заключенным в тяжелую резную раму, ее сиятельство не спеша ослабляла шнуровку платья. Привычно любовалась своим отражением, подсвеченным огненными бликами. Персиковая кожа в теплом приглушенном освещении казалась дорогим сарийским шелком, отливала золотом. Волосы – что языки пламени, бушующего и жаркого.

Она вся, истосковавшаяся по ласкам Скальде, горела, пылала. Готова была отдаться тальдену сразу, как только он переступит порог спальни.

– Только приди, – шептала, словно молитву. Взволнованно кусала губы, отчего те порозовели и соблазнительно припухли. – Не к ней. Ко мне.

Негромко шелестя, платье соскользнуло с точеных бедер, серебристым облаком укрыло пестротканый ковер. Тончайшая сорочка отправилась следом. На молодой женщине остались только серебряные жгуты браслетов и массивное кольцо – платиновый полумесяц, поблескивавший у самого основания шеи.

Взбив локоны у висков, Далива подарила своему чувственному отражению улыбку и ободряюще сказала самой себе:

– Не устоит. Просто не сможет.

Графиня д'Ольжи понимала: она сильно рискует, собираясь предстать перед тальденом полностью обнаженной. В последнее время Скальде вел себя непредсказуемо и мог запросто взбеситься. С другой стороны, рисковать Далива любила. Чувство опасности горячило кровь, а тело, пока ждала Герхильда, раз за разом охватывала приятная, будоражащая дрожь.

Если зельевар не солгал и духи и в самом деле – сильнейшее возбуждающее средство, пусть Ледяной злится на нее, пусть бесится! Столь сильные, острые чувства, дурманный аромат духов, вид нагой, готовой ночь напролет ублажать его томной красавицы – и Скальде наверняка уступит соблазну. Главное, снова пробудить в нем безудержное желание. Напомнить, чего лишился, оттолкнув ее.

Далива нанесла по капле волшебного средства на кожу за мочками ушей, ласкающим движением пальцев провела по впадинке меж пышных грудей, сладко ноющих от мыслей о тальдене. Еще одну каплю растерла между запястий. По комнате поплыл цветочный, кружащий голову аромат. Невесомым облаком окутал он графиню, расположившуюся на кровати под темным балдахином.

Единственное, что омрачало настроение молодой женщины, – это воспоминания о недавней ссоре с Хентебесиром. Сами где-то ошиблись, а ее обвинили в том, что не выполнила свою часть сделки! Не дала Сольвер зелье.

– Конечно, дала! – раздраженно воскликнула бывшая фаворитка. – Мне на тагрову алиану уже смотреть противно! И я не собираюсь дарить ей своего мужчину. Только не ей. – Далива приняла соблазнительную позу. Нервно побарабанила пальцами по полукружью бедра и буркнула недовольно: – Надеюсь, духи сработают.

Встрепенулась, когда до слуха донеслись звук отворяемой двери и быстрые шаги. Приподнявшись на локтях, ее сиятельство замерла изящной фарфоровой статуэткой, ожидая, когда тальден войдет в комнату. Вздрогнула, услышав раздраженное:

– Что ты здесь делаешь?

Действовать нужно было быстро. Быстро и решительно. Атаковать ледяную крепость и верить в свою победу.

– Хотела узнать, как ты. Скальде, я очень за тебя переживаю. – Кошкой соскользнув с постели, мягко ступая, Далива приблизилась к тальдену. – То, что произошло... Это было ужасно!

Взгляд, брошенный из-под полуопущенных ресниц, и дрожь, змеей скользнувшая вдоль позвоночника от ответного взгляда.

– А одетой за меня переживать нельзя?

Усмешка неприятно царапнула сердце.

Не желая сдаваться, Далива подалась к магу, пробежалась пальчиками по широким, твердым плечам, преданно глядя на него и мысленно ликуя – лед в любимых глазах скрадывал туман вождения. Четко очерченные крылья носа тальдена хищно затрепетали – он вбирал в себя дурманный запах, смешанный с мускусным запахом ее тела.

Лаская, Далива огладила ладонями холмики своих грудей, игриво задевая пальцами тугие розовые горошины. Закусила губу, силясь сдержать победную улыбку, заметив, как взгляд Герхильда все больше мутнеет, а сильное тело тальдена становится каменным от напряжения.

Возбуждения и желания обладать ею.

– Я нужна тебе. Хотя бы не обманывай самого себя. Я не позволю тебе сойти с ума. Ни сейчас, ни в будущем. – Приподнявшись на носочках, потянулась к губам мужчины, томно шепча: – Возьми меня. Здесь. Сейчас. Как раньше. Как тебе нравится. Я твоя. Я только для тебя...

И едва не задохнулась от яростного поцелуя, запечатавшего ее искусанные от волнения губы.

* * *

Разгуливать впотьмах по доисторическому сооружению вроде Ледяного Лога – сомнительное удовольствие. И времяпровождение так себе. Мне повсюду мерещились привидения. В холодном лунном свете, струившемся в окна. В темных глубинах залов и галерей, безжалостно обдуваемых сквозняками. В расставленных вдоль стен рыцарских доспехах, скрежетавших как-то уж совсем зловеще.

Умом понимала: это всего лишь расшалившийся ветер. Или мыши рассматривают допотопную амуницию на предмет нового места жительства.

Наверное, я бы даже обрадовалась, если бы какой-нибудь стражник, несущий ночную вахту, преградил мне дорогу и настоял на том, чтобы препроводить «заблудившуюся» эсселин обратно в ее покои. Но странное дело, пока шла на исповедь к его собственничеству, на глаза не попало ни одной живой души.

К счастью, то же самое могу сказать и о мертвых. Если в Ледяном Логе и водились призраки, то я пока не имела счастья с ними познакомиться. Надеюсь, так будет и дальше. Хватит с меня потрясений и переживаний. Теперь пусть Герхильд переживает и потрясается. От моих

признаний. Чувствовать ему полезно. А мне полезней всего будет во всем сознаться. Только бы Блодейна раньше времени не поняла, что Скальде знает. Не прошу себе, если пострадает Леша! Или мама с бабушкой...

Эта мысль, уже бесконечно долго точившая мое сознание, заставляла замедлять шаг, оглядываться назад, кусать в волнении губы и еще отчаянней желать быть обнаруженной.

Но бравых вояк нигде не было видно. Никак не напируются.

Исповедоваться этому фиг-кто-отнимет-мою-добычу было страшно. Я боялась не столько за себя, сколько возможных последствий, которые, не дай бог, придется расхлебывать Леше.

С другой стороны, Скальде ведь не какой-нибудь сопливый маг-недоучка. Тальден как-никак. Будущий правитель. А Блодейна пусть и супервумен, но и на такую, уверена, найдется управа.

Главное, чтобы понял. Чтобы не оттолкнул...

В покоях наследника мне прежде, в отличие от одной златогривой бестии, бывать не приходилось. Лишь однажды видела широкие резные двери, закрывавшие вход в святая святых. Нам их продемонстрировала эссель Тюлин, когда проводила экскурсию по Ледяному Логу. И сказала, что после женитьбы (в случае, если Герхильдова избранница не финиширует в саду в виде ледяного изваяния) новоиспеченный правитель и его новоиспеченная ари переберутся этажом выше. В покои, которые раньше занимали император с императрицей.

Интересно, отчего они умерли? Скальде едва перевалило за тридцать, значит, и родители его были еще достаточно молоды. Для тальденов и алиан пятьдесят-шестьдесят лет – не возраст. И тем не менее прежние правители ушли из жизни.

При виде стражника, выводящего рулады у заветных створок, я испытала двойственное чувство: радость, что все складывается так замечательно просто, и тревогу, а вдруг своим признанием сделаю только хуже.

И вообще, может, Скальде уже десятый сон видит. Или, что более вероятно, злоющий лежит в своей кровати и считает перепрыгивающих с облачка на облачко дракончиков, борясь с бессонницей. А тут я нарисуюсь с душещипательными историями. И раздраконю его еще больше.

Повернула было обратно, но тут же отругала себя за малодушие. Наверное, тело накладывает на сознание отпечаток. Еще немного, и тоже превращусь в трусиху, какой была Фьярра.

Горячо попросив Фортуны в порядке исключения хотя бы сейчас не поворачиваться ко мне филейным местом, на цыпочках, стараясь не производить ни звука, пересекла галерею, оглашаемую храпом, приумноженным гулким эхом.

Укоризненно покачала головой, поравнявшись с явно пребывавшим подшофе охранником (много он в таком состоянии здесь наохраняет), уперлась ладонями в прохладное дерево и бесшумно скользнула в полумрак незнакомой комнаты.

Словно мотылек полетела к свету, к манящему теплу каминов. К нему... К своему теперь уже любимому дракону, к которому меня тянуло, словно он был гигантским магнитом, а я – ничтожной песчинкой металла.

Шаг, другой. Сердце ускоряло ритм, стучало оглушительно громко. Но не от страха. От радости, что наконец сброшу с себя груз обмана. Наконец все ему расскажу. Признаюсь во всем. И самое главное тоже скажу. Что я его лю...

Мысль рассыпалась пеплом. И глупый мотылек, опалив крылья, теперь трепыхался в агонии, сгораемый в пожаре собственных чувств.

Их было слишком много. Слишком много смятения, обиды. Злости. Они обрушились в одночасье. Выжгли все внутри смертоносным пламенем. И продолжали жечь, превращая меня в жалкие угольки. И сердце, обожженное, кровоточащее, почернев, рассыпалось невесомыми хлопьями.

Когда увидела его.

Их...

Тальден не спал. Не страдал бессонницей и не пересчитывал дракончиков. И ревностью тоже больше не мучился. Нельзя ревновать и при этом так крепко, так страстно сжимать в объятиях совершенно голую б... Ну пусть будет графиню.

Будто во сне, в своем ожившем кошмаре, я видела, как д'Ольжи бесстыдно к нему прижимается. Отвечает на сумасшедшие поцелуи, растекается липкой лужицей от беспорядочных, жадных ласк. Жмурится и едва не мурлычет от удовольствия, все больше распаляя своего господина.

Вон и рубашка уже по швам трещит. Интересно, успеют хоть до кровати добраться? Или прямо на полу распластаются?

Меня затошнило. Вздогнула, почувствовав на себе скользкий взгляд ядовитых зеленых глаз. Будто гадюка по лицу проползла, царапнув мне кожу омерзительной чешуей. А может, и не заметила меня эта выдра...

Я отшатнулась, мечтая убежать и в то же время борясь с желанием ворваться в спальню и оттащить змеючку за волосы. Все их к чертям собачьим повыдирать!

Ох, как же давно я об этом мечтала... Но... кто я такая, чтобы закатывать сцены ревности? Я ему не жена. Не его ари. Я и невеста-то фальшивая. Такая же фальшивая, как и чувства этого мужчины.

Впрочем, кого обманываю – не было никаких чувств. Так, возможно, влечение. Спортивный интерес. Герхильд ведь Ледяной. А Ледяные, как известно, не умеют любить.

Пусть Далива топит лед его сердца хоть до конца света. А я...

Я постараюсь свое сделать ледяным.

Глава 3

– Анна... Аня, нам надо поговорить, – звучало подозрительно мягко, медом, только что выжатым из сот, растекаясь по моему сознанию. – Аня-а-а... – Теплота в голосе сменилась колючим морозцем. – Да проснись же ты!

– Я не сплю, – буркнула в наволочку, всю мокрую от слез (надо же, сколько во мне, оказывается, помещается жидкости), и еще крепче обняла подушку, не желая поворачиваться к раскипавшейся шантажистке.

– Я знаю о том, что произошло между тобой и этим герцогом.

– Очень за тебя рада.

Зажмурилась, и слезы прозрачными дорожками снова принялись расчерчивать мое пылающее, как факел, лицо.

Не удивлюсь, если от всех этих переживаний у меня подскочила температура. Я чувствовала себя проснувшимся вулканом, даже несмотря на то, что сердце заиндевелось.

– Не плачь, – прошелестело над ухом... ласковое. – Хочешь, накажу его? Заставлю заплакать за каждую твою слезу!

Последнее прозвучало ну очень кровожадно и было весьма неожиданно. Даже боль, голодным шакалом вгрызавшаяся не только в рваную плоть, все еще вяло трепыхавшуюся в груди, но и в воспаленное сознание, на время меня оставила. Ее вытеснило удивление.

Я точно с Блодейной разговариваю? Или уже помешалась на почве сердечных переживаний и вижу галлюцинации?

Сморгнув дурацкие слезы, которые успела возненавидеть так же сильно, как этого драконистого кобеля с его породистой сукой, перевернулась на спину. Сквозь соленую пелену, заставшую глаза, различила зависшее над кроватью псевдопривидение. Лицо бледное (хотя в полупрозрачном состоянии оно у Блодейны всегда такое), губы – сплошная резкая линия. Глаза... Но лучше не будем о глазах. Они у ведьмы были жуткие. Метали копья, стрелы, молнии и файерболы. Если бы гнев морканты был нацелен на меня, я бы тут же превратилась в симпатичные белые косточки. Или, что более вероятно, рассыпалась пеплом.

Впрочем, я и так уже была этим самым пеплом. За что большое спасибо его блудливости Герхильду! Не вышло с одной, быстренько произвел рокировку и уединился с другой.

Что тут скажешь, кобель – он и в Адальфиве кобель.

– С герцогом и без тебя разберутся.

Я устало откинулась на подушки, мысленно посылая призрачную ведьму к тальдену и его шлюшке. Там от Блодейны толку было бы больше. Запугала бы сладкую парочку до икоты, чтобы кое-кто еще долго не мог почувствовать себя мужчиной. Но не рассказывать же морканте, из-за чего на самом деле страдаю и лью слезы.

Колдунья присела на краешек кровати, гипнотизируя меня заботливым взглядом. Это было дико, странно и заставляло нервничать. А когда она потянулась к моей руке, чтобы одарить ее своим прикосновением... Будто кубиком льда провели по коже.

– Ау, прием, я не Фьярра, – вжалась в спинку кровати и руки предусмотрительно сунула под одеяло, только бы она от меня отстала. – С ней будешь играть в дочки-матери.

– Я просто за тебя переживаю, – насупилося лжепривидение. Не дав мне времени переварить это сногсшибательное заявление, морканта пошла в наступление: – Почему не сказала, что Крейн – двойник Леша?!

– А разве это так важно? – напряглась внутренне.

Если сейчас опять начнет угрожать мужу...

Блодейна сардонически усмехнулась:

– Не удивлюсь, если сама его и спровоцировала.

И эта туда же.

– Никого я не провоцировала! – огрызнулась вяло. – И вообще, старалась держаться от Крейна подальше. Черт его знает, чего ко мне прицепился.

Судя по тому, что брови ведьмы превратились в одну сплошную полосу и расходиться как в море корабли не спешили – мне не поверили.

Ну и демоны с ней. Только бы снова не принялась за старое – не сыпала угрозами в адрес Лешки.

– Покажи его, – несмело подняла на морканту глаза. – Мужа... покажи.

Блодейна нахмурилась еще больше, отчего на сером, будто выцветшем, лбу залегла глубокая складка, что явно не придавало ей очарования, и отрицательно покачала головой.

– Пожалуйста, – попросила тихо. – Ну что тебе стоит? Я просто хочу знать, что с ним все в порядке.

Хоть с одним из нас все хорошо.

– С ним все в порядке, – эхом отозвалась колдунья.

– Мне нужно самой в этом убедиться, – сказала уже тверже.

Морканта еще немного похмурилась, поартачилась, а потом повелительно взмахнула белесой рукой, и пространство передо мной разломила напополам ослепляющая вспышка, будто в нескольких сантиметрах от моего лица полыхнула молния.

В Москве тоже была ночь или, если судить по розоватому свечению, пробивавшемуся в щель между неплотно задернутыми шторами, – занимался рассвет. Муж спал, широко раскинув руки, со сбившимися к ногам простынями и с таким безмятежным, умиротворенным выражением на лице, что я не сумела сдержать улыбки.

От сердца сразу отлегло. Главное, жив-здоров и Блодейна не воплотила в жизнь ни одну из своих премерзких фантазий: не выпихнула Лешку под машину и не свела его с ума.

А может, она и не собиралась ничего такого с ним делать. Так просто, меня запугивала для простоты дрессировки. Или Фьярра без памяти влюбилась в Воронцова – а в такого, как он, не влюбиться невозможно – и будет хранить моего мужа как зеницу ока от своей кровожадной наставницы.

Странно, но в постели рядом с Лешей никого не было.

– А где твоя воспитанница? – Я даже села на кровати и теперь ерзала, как будто мне под простыню подложили ежа. – Они что, не того...

Сердце или, вернее, его останки рвали на куски противоречивые чувства. С одной стороны, хотелось рассматривать каждую черточку мужа, раз уж выпала такая возможность. Ведь это лицо родного человека – нить, что связывала меня с домом и со всем, что мне дорого. С другой – глядя на Лешу, казалось, смотрю на помолодевшего Крейна, преспокойно дрыхнувшего в моей... нашей постели.

Кошмар какой-то!

– Так что там с Фьяррой? – не спросила, потребовала объяснений, вдруг почувствовав, как удушающе жаркой волной на меня обрушивается волнение.

Увиденное не могло оставить равнодушной. Ни поразительное, вызывающее во всем теле дрожь сходство Блейтиана и Лешки. Ни уж тем более отсутствие Фьярры на супружеском ложе.

Видение померкло, и свет, вспоровший пространство, поглотил чернильный сумрак ночи.

– Не бойся, тело твое цело и невредимо, – это вместо объяснений. – Фьяррочка о нем заботится, холит и лелеет. Даже похудела немного.

Это что еще за гнусные намеки? Я, между прочим, была в идеальной форме! В отличие от этой сушеной воблы.

– Я не о теле беспокоюсь.

А о том, что там между ними, черт возьми, происходит! Неужели догадался, что Фьярра не я, и отправил эту воровку чужих тел и мужей куда подальше? Вопрос: куда? Точно не к моим маме с бабушкой. Хотя Блодейна наверняка подстраховалась и не бросила свою кровиночку на произвол судьбы, нашла, куда ее поселить.

Что, если Леша все это время был мне верен, а я... в мыслях уже не раз ему изменила. А теперь еще, глядя на него, только и думаю, что о Крейне. И что самое страшное, всего каких-то несколько часов назад, позабыв обо всем на свете, я целовалась с другим мужчиной, мечтая слиться с ним и душой и телом.

Но не прошло и часа, как этот другой мужчина слился телом с графиней.

– Аня, успокойся и сосредоточься на отборе, – тем временем вещал призрачный «приемник». – Половина испытаний успешно пройдена. Уверена, с остальными тоже справишься с легкостью. И сразу, обещаю, вернешься домой.

Не хочу я больше ни с чем справляться. Лучше сделаю все возможное и невозможное, чтобы в кратчайшие сроки уехать из Ледяного Лога. Оказаться как можно дальше от его подмороженного хозяина и этой конопатой подстилки.

Вот только сомневаюсь, что Блодейна меня поддержит и даст благословение на диверсию. Ладно, буду, как говорится, действовать по обстоятельствам. Может, Герхильд, увидев, что я больше не проявляю к нему симпатию, а только лишь одну стойкую антипатию, сам меня отсюда турнет.

Хорошо бы...

Если нет, постараюсь ненавязчиво ему в этом помочь. Но так, чтобы ведьма ни о чем не догадалась.

Н-да, непростая предстоит задача.

– Ну все, перестань шмыгать носом, – вырвала меня из раздумий «наставница». – Тебя ведь спасли? Спасли. Значит, ничего страшного не случилось.

Кое-что страшное все-таки случилось. А может, и сейчас случается, в спальне одного отмороженного мерзавца.

«Пусть подавится и отравится его силой, гадина!» – от души пожелала я графиньке и проводила взглядом морканту, расползающуюся по комнате серовой дымкой.

После ухода Блодейны еще долго лежала без сна, ругая себя за чувства, которым не должна была давать волю. Испытывать которые не имела права.

Ведь все не по-настоящему. Я в сказке, которая рано или поздно закончится. Надо напоминать себе об этом почаще и не забывать, что я в любой момент могу возвратиться в реальность.

Глава 4

В реальность – правда, не в ту, в которую стремилась, – вернулась даже раньше, чем рассчитывала. Мабли разбудила меня пусть и не с первыми петухами, но уж точно с первыми лучами медленно, будто нехотя, выползавшего из-за горизонта солнца. Не спорю, здесь светает поздно, и мне бы молчать в тряпочку и не жаловаться, усни я вчера рано и всю ночь проспим сном праведника. Тогда бы сейчас была бодренькой как огурчик. Свежесорванный, с грядки. А так ощущение, будто меня долго мариновали в бочке.

Я вся была вялой, словно завалившийся в холодильник пучок прошлогодней петрушки. Голова, полная сумбурных мыслей, тяжелая, точно гранитное надгробие, никак не желала расстаться с подушкой.

Вот ведь странные ассоциации. То о погосте думаю, то о несвежих продуктах. Здесь явно требовалось вмешательство специалиста. Жаль, в Адальфиве психологи не водятся.

Служанка вырвала меня из беспокойного сна, в котором Крейн нападал снова и снова. А Герхильд просто стоял в сторонке (как всегда, бессовестно отмороженный) и наблюдал за моими отчаянными попытками вырваться из железной хватки насильника. Далива тоже крутилась рядом, награждая меня победоносными взглядами. И Блодейна бестелесным духом парила под сводами каменного зала, укоризненно качая головой. Будто это я собиралась надругаться над Крейном, а не он надо мной. Никто из свидетелей этого абсурдного кошмара не пытался спасти и защитить бедную алиану.

С трудом разлепила припухшие от слез веки. Полагаю, в ближайшие часы лучше нам с зеркалом не встречаться. Оно моему лицу категорически противопоказано. Мало того что скула подсвечена, так теперь еще и глаза – что два красных шарика в ореоле сплюснутых век.

– Почему так рано?

– Старейшины решили провести незапланированное испытание, – скорбно возвестила Мабли.

Миссия придать телу вертикальное положение с треском провалилась, когда на кровать запрыгнул Снежок. Кьерд по-хозяйски обеими лапами придавил мою грудную клетку к матрасу. Мол, лежи давай, куда собралась. Вольготно на мне устроился, зевнул во весь рот, после чего зажмурился и заурчал довольно, всем своим видом показывая, что собирается спать вот так, поперек хозяйки, и никак иначе.

– Сегодня же первое января. – Я устало прикрыла глаза-щелочки, горячо мечтая, чтобы Мабли куда-нибудь провалилась и оставила меня наедине с моим воспитанником. Под его успокаивающее урчание я моментально усну, и мне наверняка приснится что-нибудь хорошее. Пусть и ненадолго, но убегу из Ледяного Лога. От чувств, которыми, будто зерно формалином, было протравлено мое сердце. – То есть первое марта. Или как там у вас этот месяц называется... Короче, какие еще, к таграм, испытания? Праздник же.

– Зарьяный, – просветила меня девушка. – Первый месяц весны называют зарьяным. – Поправляя сбившееся одеяло, добавила: – Вообще-то ничего такого проводить не собирались. Но вчера на пиру один из старейшин, эррол Корсен, предложил устроить невестам дополнительную проверку, и всем идея понравилась.

Тоже мне, массовик-затейник.

Наверное, что-то такое отобразилось у меня на лице. Мабли принялась фальшиво улыбаться и наигранно бодрым голосом частить:

– Не переживайте, ваша утонченность, никого из невест сегодня не исключат. Это так, промежуточный этап. Ничего серьезного.

А лучше бы исключили. Меня.

– И как будут проверять? – поглаживая кьерда по холке, хмуро поинтересовалась я. Снежинки, срываясь с мягкой шерстки, осыпались на простыни; таяли, бесследно исчезая на моих ладонях. – Заставят крестиком вышивать? Или, может, пожелают, чтобы ковры им ткали да хлебы праздничные пекли?

– Каждый первый день месяца его великолепие принимает в Ледяном Логе просителей, которые съезжаются в столицу со всех уголков империи. Ее лучезарность императрица Энора всегда помогала своему супругу, императору Гвенегану, разрешать тяжбы подданных. Вместе они выслушивали жалобы и прошения и сообща принимали решения. Вот старейшины и подумали, что хорошо бы посмотреть, как каждая из невест поведет себя на месте покойной правительницы.

Еще совсем недавно я чувствовала себя надломленным коромыслом. От того что тело не слушалось, было как будто одеревеневшим. А теперь пришло осознание, что никакое я не коромысло. Я кролик. Подопытный кролик. Или лягушонок, которого сегодня будут препарировать взглядами все кому не лень.

Не знаю, благодарить за «праздничную программу» старейшин или, быть может, Герхильда. Сам всю ночь с этой шлю... плюшкой в кровати кувыркался, а нам с девочками за него целый день отдуваться. Его работу выполнять, пока этот дракон драконский будет отсыпаться.

Какое же все-таки гадство.

– А нельзя ли как-то увильнуть от чести поиграть в императрицу?

Я с надеждой посмотрела на Мабли. Может, что дельное подскажет. Не до Герхильдовых подданных мне сейчас. Тут бы со своими проблемами разобраться, а они хотят переложить на мои плечи еще и чужие. Да и как я, вся такая разукрашенная, людям на глаза покажусь?

Будто прочитав мои мысли, Мабли с улыбкой сказала:

– Тут эррол Хордис приготовил для вас бальзам целебный. Всю ночь не спал, чтобы к утру поспеть. Говорит, все пройдет, будто не было ничего.

Интересно, а если я им не намажусь, а приму, так сказать, перорально, память получится подлечить? Стереть кровоподтеками отпечатавшиеся на душе воспоминания о тальдене и его постельной грелке.

– Спасибо.

Я грустно улыбнулась, тщетно пытаюсь выбраться из-под кьерда. Нет, никакой он уже не котенок, а самый настоящий тигренок. Растет не по дням, а по часам.

– А что я? – Мабли пошарила рукой в кармашке накрахмаленного до хруста передника и извлекла на свет божий миниатюрный пузырек темного стекла. Вытряхнула на ладонь горошину густой, как крем, зеленоватой субстанции с резким травяным запахом и, едва касаясь моего лица, осторожно распределила бальзам по щеке. Не забыла пройтись по синякам на плечах и шее, оставленным жесткими пальцами Крейна. – Это эррол Хордис у нас кудесник. Я всего лишь выполняю его распоряжение.

– Спасибо за то, что выпустила вчера Снежка. И Скаль... его великолепие предупредила. Если бы не ты...

Глаза снова предательски защипало. Я покрепче обняла кьерда – своего главного защитника и утешителя. Лучшего мужчину в моей жизни. Поняв, что сейчас его будут тискать, Снежок воспротивился такой перспективе. Вырвался из рук и с самым независимым видом перебрался к изножью кровати, чтобы улечься в гордом одиночестве в складках одеяла.

Подбросив поленьев и позволив бутонам пламени, как в цветниках, раскрыться в каменных недрах каминов, Мабли отправилась в купальню нагревать воду с помощью артефактов. А я еще немного полежала, чувствуя, как от чудо-мази слегка пощипывает кожу, и надеясь, что вдобавок ко всему прочему не покроюсь пятнами.

Не хочу еще и своим видом поднимать настроение ее чертовому сиятельству.

– Может, принести завтрак в комнату? – часом позже, заплетая мои волосы в толстые косы, предложила Мабли. С ловкостью, достойной фокусника, закрутила их на манер улиточного панциря, спрятав под косами мои уши, а сами «панцири» уложила под усыпанные жемчугом сетки.

Пока девушка возилась с прической, я флегматично разглядывала свое отражение. Хордис не обманул, отек спал почти мгновенно, и прямо у меня на глазах кожа приобретала свой прежний оттенок – становилась по-аристократически бледной, если не считать легкого румянца на щеках.

Синяки на шее тоже поблекли, только веки по-прежнему оставались припухшими, откровенно свидетельствуя о том, чем я занималась всю прошлую ночь.

– Ну так что, лучше сюда принесу? – Закончив с прической, Мабли придвинула ко мне шкатулки с украшениями.

– Нет, позавтракаю со всеми.

Зачарованную булавку я прицепила к платью, как только его надела. Пусть брошка не сочеталась цветом с малахитовым нарядом, но я теперь без антипривязки ни шагу. Если понадобится, впаяю ее в себя. Чтобы было легче выпаять из сердца тальдена.

Кстати, об этой нечисти. Не успела вспомнить о Герхильде (можно подумать, я о нем забывала...), как дверь в спальню после короткого, показательно небрежного стука распахнулась, явив моему мрачному взору его лицемерность. Просканировав меня пристально-холодным взглядом от макушки до кончиков пальцев, от чего по телу забегали мурашки, дракон попросил Мабли оставить нас тет-а-тет.

Служанка повиновалась, хоть и без особого рвения. Поклонилась и бесшумно выскользнула за дверь.

А я даже не шелохнулась. Не поднялась, чтобы поприветствовать вельможного жениха реверансом. Сидела, прямая и напряженная. Смотрела на Герхильда, а видела перед собой комнату, утопавшую в золоте свечей, и двух страстно целующихся любовников. Слышала, как распадается крошечком под нами камень пола. Расползается смертельной раной, щерится острыми сколами, и я оказываюсь на одной стороне пропасти.

А тальден – на другой.

* * *

Сложно сказать, сколько так просидела – заледеневшая, словно сосулька на краешке карниза, обдуваемая студеным ветром, непонятно откуда взявшимся в жарко натопленной комнате. А все Герхильд. Это он принес стужу в мою жизнь. Сначала заморозил мне сердце, теперь явился испытывать на прочность льдину у меня в груди, а заодно и мои нервы.

Тальден молча ощупывал меня взглядом. Лицо, застывшее венецианской маской. Замершую изваянием фигуру. И в упор не замечал или не желал замечать молнии в моих глазах.

Я сдалась первой, не выдержав пытки молчанием.

– Ваше великолепие, – сказала, как выплюнула, – у вас появилась скверная привычка неожиданно здесь появляться, без спроса врывать в мою спальню.

Кажется, его драное драконство рассчитывал на более радушный прием. Сначала дернул бровями, выказывая удивление, потом нахмурился, проявляя недовольство.

Смотрите-ка, оказывается, наша венценосность еще и недовольна! Пусть скажет спасибо, что встретила его просто прохладно, а не огрела по темечку раскаленной кочергой, как он того заслуживает. Или не долбанула по причинному месту все той же полезной в хозяйстве утварью. Чтобы по ночам спал, как все нормальные люди, а не с этой... тоже спал.

На душе снова скребли кьерды.

– Я не врывался, просто вошел. – В голосе рассыпалась ледяная крошка. Видать, не привык к подобным приемам.

– А если бы я была голой?

– Ну вы же не голая.

Вот она, мужская логика.

– Что с вашими глазами?

Несколько почти неразличимых шагов, приглушаемых густым ворсом ковров – будто хищник крадется, а потом замирает, чтобы в следующий момент наброситься и растерзать.

– Соринка попала.

Хотя, судя по тому, что упорно демонстрировало мне зеркало, в глаза опрокинули все содержимое мусорного ведра.

Близость Скальде заставляла нервничать, путала мысли. И злость на тальдена, желание все ему высказать заглушала тупая ноющая боль.

Хотелось, чтобы скорее ушел, и больше его не видеть.

Я спрятала взгляд, чувствуя, как льдина в груди трескается и начинает кровоточить. Смотреть на него – самая изощренная пытка. Вглядываться в резкие, идеальные, будто созданные античным скульптором, черты лица. Теряться в сумраке серых, как предгрозовое небо, глаз. Скользить взглядом по губам. Сейчас они казались тверже камня, а прошлой ночью были мягкими, обжигающими...

– Я хотел извиниться за вчерашнее, но вижу, что вы не в духе, – выдернул меня из этого ненормального наваждения, чтобы окунуть, как в прорубь, в холод своего голоса.

Такого же ледяного, как и его обладатель. А несколько часов назад шепот опалял сумасшедшим пламенем.

Но то было вчера. До того, как он и она...

Не в духе я? Ну, это мягко сказано. Да я его на лоскутки готова порвать! Разорвать на мелкие клочочки. Расщепить на ворсинки и на все остальные мельчайшие частицы!

А еще так и чесались руки чем-нибудь метнуть в Герхильда. Чем-нибудь потяжелее, вроде ночного горшка. Жаль, не привыкла пользоваться им по назначению. Тогда бы «снаряд» получился еще интереснее. Язык тоже чесался – хотелось высказать, выплеснуть на мерзавца все, что жгло, как крапивой, душу.

В общем, так себе из меня ледышка. Алиана тоже вышла никудышная. Фьярра на моем месте, да и любая другая невеста, застав Герхильда за этим делом, просто пожала бы плечами и пошла заниматься своими делами. Впрочем, никакой другой алиане и в голову бы не пришло ночью тащиться в покои наследника. Останься я вчера у себя, и сегодня боль не обгладывала бы с такой жадностью мои косточки. Умом понимаю, что Далива ему нужна, чтобы до свадьбы дожил и не свихнулся. А сердцем...

Хотя нет, не понимаю. Не могу простить, принять и смириться. Ведь сказал же, что больше они не вместе, и за язык его никто не тянул. А я поверила. Наивная.

Горько усмехнулась своим мыслям. Ну какой мужик откажется от такой красавицы? Вот и Герхильд не отказался. А значит, пусть к ней и катится. А я покачусь к Леше. Как только отыграю навязанную мне ненавистную роль императорской невесты.

– Мне жаль, что так вышло, – заглушила водопадом низвергающиеся мысли банальная фраза.

Я, открыв было рот, чтобы обвинить тальдена в том, что вешал мне лапшу на уши, посоветовать ему возвращаться к своей графиньке, а меня оставить в покое, опешив, тут же его захлопнула. Как у Ледяного, оказывается, все просто. Поманили, соблазнили – не устоял. Думает, достаточно просто извиниться – и дело закрыто. Он оправдан по всем статьям.

– А мне-то как жаль...

Скальде был рядом. Слишком близко. Окружающая обстановка стиралась, когда он оказывался в нескольких шагах от меня. Вот как сейчас. И воздуха в легких катастрофически не хватало. Почувствовав, что голова начинает кружиться, я поднялась, чтобы окунуться в потоки света, бьющего в окна. Щурясь от непривычно яркого солнца, прошла взглядом по заснеженному саду, в котором, будто звезды на небе, только почему-то белом, поблескивали прохладной голубизной статуи замороженных ари.

– Вместо того чтобы побеспокоиться о твоём самочувствии, я набросился на тебя. И потом был резок. Я был зол, Фьярра. Но не на тебя. На Крейна.

Колени дрогнули. Вцепилась в одну из витых колонн, обрамлявших окна, ногтями царапая шероховатый камень. Ах, вот за что пришел извиняться... Я-то, глупая, решила, что это была неудачная попытка объясниться, что именно голая девица забыла у него в спальне и почему он так иступленно сжимал ее в объятиях.

– Обещаю, что теперь буду сдерживаться и целовать тебя только с твоего разрешения.

Я не видела лица Ледяного, но почувствовала его улыбку. Непонятно, то ли так нагло издевается, то ли для этого варвара убаживать всю ночь одну, а потом шутить с другой в порядке вещей.

К горлу подступил горький комок, будто весь обросший шипами.

Обернувшись, тихо сказала:

– То есть никогда. – Мои слова, словно теннисный мячик, отскочили от толщи льда, в которую тут же превратился тальден. – При всем моем к вам уважении, – а его у меня и в помине не было, – вы не имели права меня касаться, ваше великолепие. Я не ваша ари, а всего лишь одна из участниц отбора. Приходя сюда, вы порочите мое имя. Или решили, раз Крейн насильно целовал меня и душил в объятиях, то и вам можно? Так вот, мне были неприятны прикосновения герцога. И ваши... Их я тоже не хочу!

Тишина оглушала. А голос, налитанный безразличием, перекрыл все остальные звуки: треск пожираемых пламенем поленьев, жалобные постанывания ветра за окном, возню Снежка, упорно пытавшегося достать что-то лапой из-под приставленного к камину кресла.

– Значит, игра продолжается? – На губах жесткая усмешка. – Только непонятно, Фьярра, чего ты добиваешься? Сначала раздражила, несколько недель настойчиво привлекала к себе внимание. Теперь строишь из себя недотрогу. И вчера, когда я тебя целовал, было не похоже, что тебе не нравилось. И ты не вспоминала про свое доброе имя.

Занавес. И как можно было в такого влюбиться...

Комок из слез вырос до размеров солнца, сверхновой вспыхнувшего у меня в горле.

– Возвращаясь к теме ваших неожиданных визитов. – Голос звучал непривычно глухо и хрипло. – Лучше забудьте сюда дорогу. К другим алианам ведь не ходите. Вот и ко мне больше не стоит. А еще лучше... – Сердце ухнуло куда-то вниз, кажется, провалилось под фундамент Ледяного Лога, но я все же нашла в себе смелость и твердо выговорила: – Разорвите со мной помолвку.

Услышь меня сейчас Блодейна, раскатала бы в лепешку. Коровью или пшеничную – без разницы. Во что-то плоское и не совсем живое.

Судя по отливавшему свинцом взгляду Герхильда, он подумывал о том же – расплющить меня к чертовой бабушке о любую твердую поверхность.

Но вместо этого, облачившись в ледяную броню, сказал, будто приговор вынес: пожизненное заключение, электрический стул, гильотина – все вместе.

– Не разорву. Ты согласилась на отбор и будешь в нем участвовать. Пока я сам тебя не отпущу.

Тиран. Супостат. Деспот.

Тальден развернулся и, уходя, небрежно бросил напоследок:

– Готовьтесь к испытанию, эсселин Сольвер. И можете быть спокойны: я забуду сюда дорогу.

Глава 5

После ухода Герхильда я еще долго не находила себе места. Была взвинчена до предела. Потому что кое-кто наглым ржавым болтом ввинтился мне в сердце, а вывинчиваться обратно особенно не спешил, распространяя по всему телу коррозию боли, обиды и злости.

«Пока я сам тебя не отпущу», – взвилось в памяти огненно-дымовым столбом, какой бывает во время ядерного взрыва.

Надеюсь, еще парочка таких взрывов, и у меня внутри наконец наступит ледниковый период.

– Отпустишь. Еще как отпустишь. Куда ты денешься! – воинственно цедила я, пока возилась с изумрудным ожерельем, никак не желавшим брать в плен мою шею. То ли застежка была повреждена, то ли из-за нервной дрожи, коловшей пальцы, те отказывались мне повиноваться.

К ожерелью прилагались массивные сережки, заметно оттянувшие мочки ушей, отчего я стала похожа на девочку-туземку. И пусть в зеркале по-прежнему отражалась белокожая блондинка с прозрачными, как родниковая вода, светло-голубыми глазами – истинная дочь севера, – темное облако гнева, напозвшее на лицо, превращало меня в моем воображении в уроженку какого-нибудь дикого африканского племени.

С каким удовольствием я бы станцевала победный ритуальный танец на останках Герхильда!

Гр-р-р...

Запястья кандалами сковали широкие браслеты, поверх которых я нанизала еще несколько тонких серебряных обручей. Все в камешках, все блестят. Если долго на них смотреть, глаза начнут слезиться. Повылавливала из шкатулок перстни. Теперь пальцы, как в броню, закованные в благородный металл, потеряли свою природную подвижность.

Ледяной у нас любитель естественной красоты и скромности? Вот пусть Даливочку свою наряжает невинной пастушкой и устраивает с ней ролевые игры. А я буду брать пример с Керис. Алиана я или как? И очень надеюсь, что при виде меня у тальдена задержатся оба века.

Где тут у нас коробочка с помадой? Прimitивный аналог современной: пчелиный воск, смешанный с растертыми ягодами. Добавим-ка лицу ярких красок.

Добавить я ничего никуда не успела. Вернувшись Мабли с таким подозрением на меня посмотрела, что пришлось отлипать и от коробочки, и от зеркала.

Я, конечно, очень хочу поразить и впечатлить Герхильда. В самом негативном смысле этих глаголов. Но не стоит забывать и об осторожности. Мабли очень проницательна, этого у нее не отнять. И по-прежнему верой и правдой служит морканте. А меня слушается и помогает прятать от Блодейны кьерда лишь потому, что я убедила ее в своем намерении пройти отбор до конца, не запятнав славное имя Сольверов. Если поймет, что собираюсь саботировать помолвку, у меня (или у Снежка) могут возникнуть новые проблемы.

– Вы же не любите наряжаться, – облекла мои опасения в слова служанка.

– Сама сказала, что на подобных церемониях, когда нужно было принимать подданных, императрица Энора всегда блистала, – не растерялась я.

– Да, но...

– Я просто настраиваюсь на испытание. Сливаюсь с образом, так сказать. – Погладив Снежка и ощутив, как отравленное изменой чувство к Ледяному на какой-то миг вытесняют нежность и безграничная любовь к питомцу, я не удержалась: подхватила своего храброго защитника и чмокнула его в снежную холку. Кьерд протестующе замяукал, требуя вернуть его туда, откуда взяли. Что я и сделала. И сразу рванула к выходу, пока Мабли от подозрений не перешла к озвучиванию догадок. – Умираю от голода. Наверное, это из-за волнения.

– Я затем и пришла. Сказать, что завтрак подан и все невесты уже в Карминовой столовой... Пойдите! – крикнула девушка. – Нельзя появляться на официальных церемониях без головного убора!

В любое другое время я бы не обрадовалась рогатому произведению шляпного искусства, коих в гардеробе Фьярры водилось бесчисленное множество. Но сейчас безропотно вернулась в кресло, темневшее возле туалетного столика, и позволила служанке увенчать мне голову раздвоенным энненом из светлого муслина, за которым шлейфом тянулась тончайшая, невесомая, словно сотканная из самого воздуха вуаль.

Алианы встретили меня траурным молчанием, как будто видели перед собой не княжну Лунной долины, внешне полностью оправившуюся от попытки изнасилования, а ее неупокоенный дух, явившийся для того, чтобы портить им всем аппетит. Молчанию сопутствовали сочувственные взгляды, расстроенно закушенные или поджатые губы и даже слезинки, застывшие в грустных глазах. Керис одарила меня соболезнующим вздохом, а Рианнон понуро опустила голову, сосредоточив все свое внимание не то на золоченой тарелке, не то на цветочном узоре, вившемся по блестящему шелку скатерти.

Тишина, будто напильником, истончала прутья моих нервов.

– Чего это ты вдруг, Сольвер, так вырядилась? – спустя, казалось, вечность нарушила молчание княжна Серых пустошей.

– Вдохновилась твоим примером.

Послала злючке улыбку и села на свободное место рядом с Ариэллой.

В тот момент я готова была расцеловать Керис. После ее слов алианы как будто ожили. Стали награждать меня комплиментами, хвалить мой вкус, восхищаться роскошными украшениями. Я была рада этому пустому трепу. Все лучше, чем если бы меня все дружно жалели и расспрашивали, как себя чувствую.

Чувствовала я себя отвратительно, но делиться этим с избранницами тальдена в мои планы не входило.

Постепенно обстановка разрядилась, и все вернулись к завтраку. Правда, потом ее снова «зарядила» возникшая в дверях эссель Тюлин. В отличие от драконьих невест, на одутловатом лице свахи не отобразилось даже намек на сострадание. Наоборот, всем своим видом мадам показывала, что видит меня насквозь. Искусительницу, совратительницу и бесстыдницу, коварно запудрившую мозги бедолаге герцогу. А с недавних пор и его подмороженное великолепие придерживался того же мнения.

Впрочем, пусть думает что хочет. Плевать на его мысли, как и на него самого!

После короткого приветствия эссель Тюлин смерила меня откровенно-уничтожительным взглядом, как будто говорившим: жаль, Крейна и меня, трепыхавшуюся в его руках выброшенной на берег рыбой, не нашли чуть позже. Не пришлось бы тогда и дальше возиться с проблемной невестой.

– Сегодняшняя проверка стала для всех сюрпризом, – подбоченившись, заговорила распорядительница отбора. – Быть может, не совсем приятным. Но так и жизнь императрицы полна неожиданностей. Вы, как избранницы наследника, должны быть готовы к любым испытаниям. Сегодня вам придется принимать решения, которые, возможно, изменят жизнь незнакомых вам людей. В лучшую или худшую сторону – будет зависеть только от вас. Не волнуйтесь, вместе с вами будет его великолепие...

Я бы не волновалась, если бы его великолепие вместе со мной не было.

– ...и в случае чего вас поддержит. Но конечно же, постарайтесь не ударить в грязь лицом перед старейшинами и придворными. Там, в зале приемов, каждую из вас будут оценивать не как возможную супругу тальдена, а как вероятную правительницу. И кто знает, вдруг то, как вы справитесь с сегодняшним заданием, повлияет на решение наследника в будущем. Когда придет время ему выбирать из оставшихся невест себе ари.

Точнее будет сказать, выживших в этой клоаке.

Реалити-шоу «Последний герой» продолжалось. Наспех позавтракав (под надзором эссель Тюлин завтракать медленно, растягивая удовольствие, не получалось), мы спустились в зал приемов. Просторное помещение с высокими сводами, клиньями смыкавшимися над головами придворных, было сплошь исчерчено косыми лучами солнца. Сверкающими иглами они пронзали стрельчатые окна. Каждое – в два моих роста. По стене напротив растянулись гобелены – огромные, порыжевшие от времени тканые полотна, на которых пировали и охотились вельможи прошлого.

В роскошном алькове под балдахином расположились два кресла. Одно было занято его деспотичностью Герхильдом, лицо которого сейчас очень походило на грубый камень у меня под ногами. Такое же серое. Правда, без выщерблин. Последние были прикрыты широкими ковровыми дорожками цвета разбавленной марганцовки. Жаль, хмурую физиономию тальдена прикрыть не догадались. Придется ею полдня «любоваться», мне и всем здесь собравшимся. Впрочем, не знаю как все, а я лучше порассматриваю сюжеты на гобеленах, они куда интереснее наследника.

Второе кресло пустовало. Ждало, когда в него по очереди начнут усаживаться фейковые императрицы. А в будущем, если Ледяному повезет, трон на долгие годы займет его ари. Надеюсь, к тому времени я навсегда распрощаюсь с Адальфивой, верну себе тело и собственную жизнь.

По обеим сторонам затканного пурпурным бархатом алькова возвышались стражники в латах черненой стали с воинственно опущенными забралами. На груди у каждого дракон, хищно распахнувший крылья, в руках – острые копыя. То ли их просто так сюда поставили, для красоты и пафоса, то ли для охраны венценосного. А может, чтобы в случае чего можно было по-быстрому нанизать на копьё, как на шампур, неугодного просителя и вышвырнуть его из зала.

Получив приказ – смешаться с придворными и ждать, когда старейшины, топтавшиеся у подножия трона, начнут нас по очереди вызывать, – мы рассредоточились по залу.

Первой посидеть под боком у Скальде пригласили Гленду. Величавой поступью, высоко задрав голову, алиана приблизилась к трону, поприветствовала дракона (этого ящера бесхвостого) грациозным реверансом – всем придворным дамам на зависть. Получив от тальдена улыбку, на миг осветившую эту каменную глыбу – его лицо, и не заставившее себя ждать дозволение подняться, заняла место по правую руку от Ледяного. Гленда и трон стали единым целым, как будто были созданы друг для друга. И рядом с Герхильдом, расслабленно развалившимся в своем кресле, алиана выглядела так гармонично, так... правильно, что у меня в груди болезненно екнуло сердце, никак не желавшее по примеру наследника превращаться в камень.

В общем, парочка вышла что надо. Прямо хоть картину маслом пиши или устраивай фотосессию: трудовые будни императорской четы.

Гленда с легкостью, с блеском и без лишних раздумий справилась с испытанием. Сначала разобралась с неверным женихом (жаль, мне голубчик не достался, вот бы я на нем отыгралась), пустившим по ветру немалое приданое своей невесты, а потом, за день до свадьбы, по пьяни женившимся на другой. С которой, как выяснилось, уже давно крутил шуры-муры.

Герхильд выслушал показания пострадавшей и провинившейся сторон все с той же невозмутимой физиономией. Ну хоть бы проблеск раскаяния во взгляде, хоть какая-то эмоция! Сочувствие по отношению к зареванной невесте или же презрение к моту и изменщику.

Ничего.

Строгий, но справедливый судья в лице рыжеволосой виконтессы велел разгильдяю год трудиться без вознаграждения у отца экс-невесты – золотых дел мастера, владевшего в столице ювелирной лавкой. И, пока будет пахать на несостоявшегося тестя, жить на иждивении своей новоиспеченной женушки, явно не обрадовавшейся такой перспективе.

Вторую проблему Гленда тоже разрешила быстро и успешно. Аптекарь из соседнего города – мужчина неопределенного возраста, чем-то напоминавший мне ястреба, наверное, из-за крупного мясистого носа с горбинкой и загнутым книзу острым кончиком – обвинил свою юную сиротку-помощницу в воровстве и с пеной у рта требовал, чтобы ей сию же минуту поотрубали к таграм собачьим руки.

Хорошо хоть хватило ума притащить бедняжку в императорский замок, а не чинить самосуд, за который сам мог лишиться обеих конечностей или и вовсе с головой распрощаться.

Выслушав яростные вопли аптекаря, Гленда велела эрролу Хордису осмотреть обвиняемую. Вернувшийся в зал приемов лекарь подтвердил догадку алианы: помощницу избивали. Потому и решилась бедняжка выкрасть у садиста-наставника ценные зелья: чтобы продать их и сбежать из кошмара, в котором жила долгое время.

Аптекаря арестовали за жестокое обращение с девушкой, которую, о чем-то пошептавшись с Хордисом, Гленда объявила его новой помощницей.

Скальде уже не выглядел таким мрачным, и снова алиане досталась от него пусть и скупая, но все-таки улыбка. Ну а старейшины после того, как виконтесса Дерьен озвучила свой вердикт, стали походить на группку религиозных фанатиков, явившихся на поклонение своей любимой богине.

Определенно такая императрица им нравилась и всем устраивала.

Ариэлла тоже с достоинством справилась с обоими заданиями. Была в меру строга, в меру чутка и, конечно же, справедлива, и принятые ею решения нашли отклик в сердцах почтенных магов, выразившийся удовлетворенными перешептываниями и кивками. А еще все то время, пока находилась с тальдемом, алиана купалась в лучах его задумчивых улыбок.

На меня Герхильд не смотрел. А если и удостаивал мимолетным вниманием, то чувство было такое, будто распинает взглядом.

Майлона нервничала и терялась. Но с помощью Ледяного и она довольно неплохо справилась с возложенными на нее задачами.

Кому-то доставались проблемы совсем смехотворные, кому-то – посложнее. Я тоже нервничала. Терпеть не могу быть в центре внимания, а в последнее время только и делаю, что становлюсь гвоздем программы. Надеюсь, сегодня все пройдет тихо, быстро и гладко. Если б еще не приходилось сидеть бок о бок с этим некоронованным падишахом. Развел тут себе гарем, понимаешь ли, и наслаждается любовью, пусть и навеянной чарами красавиц-невест.

А я переживаю и страдаю.

Одна за другой алианы поднимались по ступеням трона, помогали алчущим и возвращались к придворным. Когда старейшина, тот самый бородач эррол Корсен, что решил испоганить нам первый день нового года, назвал мое имя, я уже не чувствовала под собой ног. От волнения и напряжения. Шла по залу вдоль обратившихся в статуи Герхильдовых подданных, под аккомпанемент из оглушающего молчания и стука собственных каблуков.

Со всех сторон в меня летели копыя взглядов. Один из которых, принадлежавший Скальде, обжигал ледяным пламенем, заставляя сердце в груди тлеть углями, а другой – Даливы – точно раскаленной кочергой ворошил эти самые угли, пробуждая внутри меня ответное темное пламя.

Я опустила перед тальдемом в реверансе и тут же, не дожидаясь разрешения подняться, гордо выпрямилась. Вскинула голову, чтобы на миг увязнуть в расплавленном олове драконьих глаз. А потом уронила себя в кресло, чувствуя, как плечо Герхильда предательски касается моего.

Спешно отстранилась, прежде услышав шепот, ощутив дыхание, болезненно-острой лаской скользнувшее по щеке:

– Столько украшений... И даже для булавки нашлось место.

– Для нее в первую очередь.

– Так боишься поддаться действию привязки? – неизменная издевка в голосе и усмешка на губах.

Уф, как же я ее, их обе, ненавижу!

– Предпочитаю, чтобы сознание оставалось чистым и ясным. Не люблю, когда голова забита мусором.

– Мусором, значит, – глубокомысленно повторил Скальде и, приняв свою излюбленную, небрежно-расслабленную позу, откинулся на спинку кресла.

В то время как я будто сидела на битом стекле.

Глава 6

Церемониймейстер важно ударил посохом в пол, и мальчики в трико, повинувшись звуковому сигналу, распахнули тяжелые створки. Я поерзала на сиденье, каждой клеточкой своего тела ощущая расположившегося рядом мужчину. Как будто он был продолжением меня самой. Моей второй половинкой. Ненавистой, нежеланной, от которой безумно хотелось избавиться. Отсесть ее поскорее и исчезнуть если не из этого мира, то хотя бы из этого замка.

Убежать от сверлящих взглядов старейшин, любопытных – придворных, алчного – Хен-тебесиры и торжествующего – Даливы.

Пока я мысленно боролась со своими демонами и честно пыталась абстрагироваться от внешних раздражителей вроде графини, из темного зева галереи показались двое крепких коренастых мужчин, одетых в скромные, но добротные одежды. Их сопровождали, потрясая телесами, принаряженные дородные дамы. В платьях простого кроя, но с незатейливыми украшениями и кокетливо наброшенными на плечи цветастыми платками. Румяные, как только что извлеченные из печи пышки. Жаль, румянец свидетельствовал не о том, что к нам пожаловали с мороза, а о напряженных отношениях в объемистом квартете.

Наверное, мне, как Гленде, досталось дело о подлой измене. Мысленно потеряла ладони в предвкушении, гадая, кто из этих затрапезных донжуанов сходил налево. Понятно, что виноватого следовало искать среди представителей кобелиного рода. Ну а что касается этих матрешек – одна из них явно жертва, другая – бесчестная прелюбодейка. Но так уж и быть, проявлю монаршую милость и сильно наказывать изменщицу не буду. Как-никак она не Далива.

Ни один из мальчиков-с-пальчиков (хотя, если судить по длине и густоте бород, в которых проглядывала седина, они уже давно не были мальчиками) даже отдаленно не походил на Герхильда. Однако сегодня я испытывала стойкую неприязнь ко всем представителям сильного, то есть блудливого пола – всем, кроме Леши, конечно же, – и с нетерпением ждала, когда смогу наказать хотя бы одного нечестивца.

Пока я так размышляла, к звучанию шагов страждущих прибавилось... мерное цоканье копыт. Я вскинула голову. Придворные, зашептавшись, слаженно развернулись к распахнутым дверям, в которые лакей вводил прехорошенького, кремового окраса ослика.

Животное флегматично переступало с ноги на ногу, пряло ушами, будто прислушивалось к усилившемуся гомону, и покорно следовало за мрачной компанией.

Просители поклонились со всем подобострастием, на какое только были способны. Их спутницы попытались изобразить нечто вроде книксена, но не слишком-то преуспели в этом занятии. Зардевшись под подмороженным взглядом тальдена, неловко выпрямились, стараясь держаться поближе к своим благоверным.

Интересно, какое отношение имеет к измене ослик? Может, его привели сюда в качестве свидетеля?

Пока я задавалась глупыми вопросами – побочный результат волнения и незаметно сменяющих друг друга стрессов, – эррол Корсен выступил из шеренги старейшин и, кашлянув, громко заговорил:

– Гильдас Флен утверждает, что вот эта файларсская ослица по кличке Блестка... Эм-м... Одну минуту... – Старейшина опустил взгляд на стопку листочков, что держал в руках, с самым сосредоточенным видом порылся в записях, при этом что-то негромко бормоча себе под нос. Наверное, сетовал на собственную память, так невовремя его подведшую. Шпаргалка явно не помогла, потому что второе предположение прозвучало еще менее уверенно: – Звездочка...

– Зорька, – негромко просветил мага крестьянин, по-видимому, тот самый Гильдас Флен, и с теплотой посмотрел на безразлично жующую что-то животину.

Я печально вздохнула, понимая, что не будет никакого дела об измене. А так хотелось отвести душу и превратить кого-нибудь в евнуха.

Конечно, я ничего такого не приказала бы... Хотя мысль казалась заманчивой.

– Зорька, – согласился с показаниями крестьянина глубокоуважаемый эррол и, снова прочистив горло, двинулся дальше по тернистой дороге следствия: – Была выкрадена в последний день выюжного месяца, накануне праздника Нового года.

– Увели прямо из-под носа! – пожаловался мужичок с ноготок и обвиняюще ткнул в оппонента пальцем. – Он украл!

Второй крестьянин, похожий на господина Флена как две капли воды – такой же низкорослый и шкафообразный, – с самым оскорбленным видом запротестовал:

– Враки все! Это моя Бусинка! Твоя, Гильдас, от тебя удрала, а ты теперь на мою заришься, тагр тебя раздери!

И негодуя сплюнул себе под ноги. За что получил от супруги предупреждающий тычок в бок.

– Это ты, Пергат, брешешь, как дышишь!

Скальде лениво взмахнул рукой, будто отгонял от себя назойливых жирных мух, и оба спорщика разом смолкли.

Старейшина, неодобрительно покосившись на предполагаемых хозяев животного, снова взял слово:

– Пергат Венэк, напротив, утверждает, что вот эту файларсскую ослицу на самом деле зовут Бусинка и что она принадлежит и всегда принадлежала ему.

– Ну это мы уже поняли и без ваших ремарок, эррол Корсен, – прервал его наследник, не меняя своей излюбленной небрежно-расслабленной позы. Будто у себя в спальне возле камина с бокальчиком вина отдыхал, а не присутствовал на официальном заседании. Скальде обратился ко мне, прежде удостоив своим вельможным взглядом: – Что скажете, эсселин Сольвер?

Появилось ощущение, что я вдруг стала прозрачной. Тальден вроде бы на меня смотрел и в то же время как будто сквозь.

– Мне что, предстоит решать судьбу осла? – уточнила тихонько.

Как-то это не очень... по-императорски.

– Боитесь не справиться, эсселин Сольвер? – не отказал себе в удовольствии поиграть на струнах моих нервов его издевательство, а потом еще зачем-то меня поправил и принялся просвещать: – Ослицы. Очень редкой породы. Ее мясо считается дорогостоящим деликатесом, а молоко известно своими целебными свойствами. Если не ошибаюсь, именно из него изготавливают все эти баснословно дорогие крема и бальзамы. Или чем вы там, дамы, в своих купальнях натираетесь.

– Мне о том неведомо, ваше великолепие. У меня в купальне заправляет служанка. А ваша осведомленность удивляет. Небось сами лично кое-кого регулярно натираете.

Теперь уже хмурился тальден.

– О чем это вы?

– О козах, – ответствовала с самым невинным видом.

«И козлах», – добавила про себя.

Почувствовав, что снова начинаю заводиться, а мне еще решать судьбу ни в чем не повинного создания с такими грустными темными глазами, тряхнула головой, прогоняя непрошенные мысли, и сказала:

– Лучше вернемся к нашим баранам. То есть к ослам.

Наконец вероломная богиня удачи удостоила меня своей милостью и подбросила мне наипростейшее задание.

Зорька и Бусинка были что однойцовые близнецы, то есть совершенно одинаковые. Никакими отличительными чертами и опознавательными знаками, благодаря которым можно было понять, которая из ослиц удостоилась чести явиться пред льдистые очи будущего императора, они отмечены не были.

Я посоветовала господам Флену и Венэку разойтись по разным концам зала и громко звать ослицу по кличке. На чей зов откликнется, тот и хозяин. Но файларсская животиная нас всех удивила: вместо того чтобы удостоить вниманием одного из крестьян, отправилась знакомиться со старейшинами, чем привела их в замешательство и раздражение.

Флюиды которого были тут же направлены в мою сторону.

– Кажется, ваша стратегия не работает, эсселин Сольвер. Разве что вы решили передарить ослицу эрролу Корсену, – продолжал колоть меня словами Герхильд.

Едва удержалась от соблазна показать тальдену язык.

– А у меня в запасе есть другая стратегия.

Настало время плана «Б». Как тут не вспомнить притчу о Соломоне и младенце, которого не поделили две матери: фальшивая и настоящая. Что может быть проще, чем пойти по проторенной мудрым царем дорожке.

Правда, я не собиралась сражать всех здесь собравшихся своими умом и сообразительностью, но лучше я потом поиграю в плохую невесту. Когда от меня не будет зависеть судьба этой малышки.

– Раз каждый из вас клянется и божится, что он и есть хозяин ослицы, а читать ваши мысли я, увы, не умею, остается одно. – Я выдержала мелодраматичную паузу, после чего подвела итог: – Разрубить Зорьку пополам! Одна часть достанется семейству Фленов, другую возьмет себе господин Пер... Венэк.

И снова зал наполнился жужжанием множества голосов. Будто пчелы, потревоженные пчеловодом, повывлетали из своих ульев, готовые ужалить в любую минуту.

Крестьяне переглянулись, обменялись долгими взглядами, словно о чем-то мысленно договаривались.

Пожали плечами и хором выдали:

– Хорошо!

Я чуть с трона не свалилась.

– То есть как это хорошо? – От волнения даже в горле запершило. – Значит, вы, вы оба, согласны, чтобы Блестку, тьфу ты, Бусинку-Зорьку, вот прямо сейчас взяли и зарезали?

– Это лучше, чем если у нас ее совсем отберут, – подала голос супруга Гильдаса Флена.

– Файларссские ослицы, знаете ли, на дороге не валяются, ваша утонченность, – хозяйственно поддакнула госпожа метелка. То есть Венэк.

Да что с ними всеми такое?!

Если прежде в черных печальных глазах несчастного животного мне виделись мольба и надежда, то теперь в них читался немой упрек. Адресованный мне. За то, что вот так просто недолго думая обрекла его на смерть.

Но я ведь хотела как лучше. Думала, сработает, и Зорька, или как там ее, вернется к своему законному хозяину. А вон оно как вышло.

Скальде молчал, не спешил приходить мне на помощь, и, больше чем уверена, ему было абсолютно пофиг, что станет с маленькой бедной ослицей. Старейшины переглядывались и отвечали на взгляды друг друга молчаливыми кивками. Кажется, мое решение их удовлетворило.

Спустя несколько мгновений, на протяжении которых я переваривала услышанное, эррол Корсен распорядился:

– Отведите ослицу к мяснику.

Крестьяне принялись расшаркиваться, благодарить за то, что уделили им внимание. Подобострастно пяtilись к выходу, ничуть не расстроенные моим вердиктом. Одна Зорька была расстроена... Еще бы! В последний раз посмотрев на меня своими грустными, блестящими, словно от слез, глазами, обреченно поцокала к выходу.

– Поздравляю, эсселин Сольвер. С первым испытанием вы все же справились. И почти успешно, – подавшись ко мне, шепнул Герхильд.

В голосе Ледяного звучала откровенная издевка. Ведь знает же, как сильно люблю животных.

– Пойдите!

Я сорвалась с места. Сама не заметила, как сбегала по ступеням трона и оказалась возле крестьян-живодеров.

– Я у вас ее... выкупаю!

Флен и Венэк снова переглянулись, точно два заговорщика, и одновременно покачали головами.

– При всем нашем глубочайшем уважении, ваша утонченность, файларрские ослы не продаются.

Ага, только разубаются.

Ушлые типы явно решили поторговаться.

– Вот! – выдернула из ушей изумрудные сережки-грозди и сунула их в прытко подставленную ладонь фленовской супружницы. Другой матроне достались от меня перстень с до безобразия крупным бриллиантом и серебряный браслет, инкрустированный все теми же прозрачными камнями.

– Файларсская ослица стоит дороже, – заикнулся было Венэк, надеясь выжать из липовой императрицы еще пару-тройку украшений.

– Не наглей, – осадила зарвавшегося мужика, пригрозив ласково: – Иначе ведь могу приказать пустить на фарш тебя.

Не уверена, в курсе ли они, что такое фарш, но предупреждением однозначно прониклись. Стали еще усерднее кланяться и пятиться, стремясь как можно скорее добраться к выходу.

Ослицу увел лакей, прежде получив от меня наказ о ней позаботиться. Я вернулась на свое рабочее место, хоть ноги к Герхильду не несли.

Скрепя сердце устроилась с ним рядом и услышала насмешливое:

– Эсселин Сольвер, вам мало кьерда?

– А вам мало сострадания. Точнее, его у вас не наблюдается даже в зачаточном состоянии, – огрызнулась и замерла под прицелом множества взглядов, морально настраиваясь на следующее испытание.

Главное, чтобы без животных.

– Мне зверинца в Ледяном Логе не надо.

– Отпустите меня, и не будет никакого зверинца.

Взгляд тальдена заледенел. Он весь стал похож на айсберг. Его любимое амплуа. А я почувствовала себя «Титаником», готовым в любой момент потерпеть крушение.

– Мы это с вами уже обсуждали. Не отпущу, – сказал как отрезал.

Безжалостно разрубил тонкую нить моей надежды.

– Ну тогда привыкайте встречаться с Зорькой в коридорах замка.

Переговорив со старейшинами, эррол Корсен снова взял слово. Только теперь голос мага звучал уже не так твердо, слышались в нем взволнованные нотки.

– И последнее на сегодня испытание, – запнулся, чтобы спустя мгновение объявить громкогласно: – Приведите заключенных!

Глава 7

В зале как будто стало меньше воздуха, а тот, что остался, уже почти искрился от напряжения. Скальде больше не сидел в вальяжно-непринужденной позе. Резко выпрямился, хищно подался вперед, вперившись взглядом в стражников, ведущих... нет, волокущих под руки двух мужчин.

Того, что тащили первым, и мужчиной-то можно было назвать с большой натяжкой. Еще совсем мальчик. Худой как щепка, изможденный. В изношенной одежде, в истоптанных, выдавших виды сапогах. Второй...

Вторым был Крейн. Я усмехнулась тихонько, мысленно поминая старейшин незлым тихим словом. Какие же они все-таки предсказуемые. Мало им показалось вчерашней сцены, захотели продолжения трагикомедии.

А Герхильд... Покосилась на Ледяного, который сейчас вполне мог сойти за Огненного. В глазах мага полыхали костерки пламени, на скулах резко обозначились желваки. Удивляюсь, как еще дым из ушей и ноздрей не повалил, и как он им здесь все не закоптил. Или не превратил стройный ряд своих советников в ровную полосочку пепла.

– Эррол Корсен, что это значит?

Кадык на тощей шее мага нервно дернулся. Старейшина интуитивно попятился. Я бы на его месте поступила так же. На смену одному советнику пришел другой: седобородый старец, имени которого я не знала. Но часто видела его восседавшим по правую руку от Герхильда во время вечерних трапез.

Старик поклонился. Без лишнего раболепия, коим страдали все без исключения придворные и некоторые из императорских советников.

– Ваше великолепие, это я настоял на том, чтобы именно эсселин Сольвер судила заключенных.

– Я не разрешал.

Голос дракона звучал глухо, тихо и тем не менее, уверена, достиг каждого закутка зала. Придворные, алианы, стражники – все вздрогнули как по команде. И я в том числе; от стаи мурашек, проползших по спине.

– Если эсселин Сольвер станет императрицей...

Не стану, не парьтесь.

– Если она ею станет, то в будущем должна будет принимать сложные решения и при этом оставаться беспристрастной. Ситуация с герцогом непростая, я бы даже сказал – трагичная и неприятная. Но в то же время это отличная возможность выявить у ее утонченности наличие либо же отсутствие необходимых для правительницы качеств.

Во загнул. И конечно же, все исключительно ради выявления этих самых качеств, и никакая это не попытка окончательно втоптать в грязь многострадальную репутацию Фьярры.

– Уведите их, – бросил Герхильд, будто и не услышал распинавшегося перед ним старейшину.

– Вы не должны ее ограждать от принятия сложных решений, – притко парировал пожилой маг. Бесстрашно встретил лед в стальных глазах, устоял под напором глухой ярости тальдена. – Если желаете однажды увидеть ее рядом с собой на троне.

Как же мне все это осточертело. Не хочу, чтобы он за меня заступался. Не хочу чувствовать себя ему обязанной. Не хочу становиться яблоком раздора между ним и магами. И меня уже тошнит от постоянного ревнивого шипения Керис, от того, что дуется Майлона, ноет Рианнон, упрекая в том, что его несравненность снова выделяет меня среди других невест.

Своим поведением Скальде возводил между мной и алианами стену из обид и зависти. Хотя завидовать тут было нечему. И между нами тоже ничего не было.

Мне не нужна нянька, и я не просила протягивать мне руку помощи.

– Что от меня требуется? – спросила с самым невозмутимым видом.

На коленопреклоненного Крейна старалась не смотреть, дабы не воскрешать в памяти страшные картины недавнего прошлого и не чувствовать, как в груди противно ноет сердце. Не то чтобы мне было жалко герцога... Но и удовольствия от созерцания измученного пленника я тоже не получала. Если на его светлости и оставалось живое место, то мне оно видно не было. Разве что только где-то под лохмотьями спряталось, в которые превратилась нарядная одежда Крейна.

– Воля ваша.

Скальде откинулся в кресле, снова источая холод, что пробирал до самых костей.

Так как возражений больше не последовало, старейшина заговорил, обращаясь ко мне:

– Эсселин Сольвер, перед вами два преступника. Леан Йекель обвиняется в мошенничестве и воровстве. Герцог Блейтиан Крейн... Его вина известна вам лучше, чем кому бы то ни было.

«Вот только вы, господин интриган, в нее не верите», – так и вертелось на языке.

Сумела сдержаться и продолжила внимать речам старца с каменным выражением на лице. Правду говорят, с кем поведешься (это я про Герхильда), от того и наберешься. Хотя лучше бы я на него не велась и ничего от него не набиралась.

– Каждое из этих преступлений заслуживает строгого, но справедливого наказания – десять лет на галерах.

– В качестве рабов? – Мой голос дрогнул, и тело тоже прошло дрожью. А камня на лице как не бывало.

Старейшина кивнул, удостоив меня неким подобием улыбки, которую можно было бы запросто принять за болезненную гримасу, будто у него только что живот прихватило и ему срочно требовалось остаться с самим собой тет-а-тет.

– Зачем же вам я, если и так уже определились с наказанием?

Жалко паренька. Не знаю, кого он там надул и обокрал, но участи стать рабом я ему не желала.

– По старой традиции, один из заключенных в первый день нового года может быть помилован. Ему даруется шанс начать жизнь заново. И вам, только вам, решать, кто из преступников его получит.

Приехали.

Все-таки гордыня – страшный порок. Нужно было молчать в тряпочку и позволить Герхильду самому со всем разобраться. Но я взбрыкнула и вот теперь должна стать судьей для незнакомого паренька, глядевшего на меня точно так же, как совсем недавно смотрела Бусинка-Зорька. У него были такие же несчастные глаза, в которых отражались мольба и надежда.

Глаза Крейна, наоборот, прожигали ненавистью. Жгучей, яростной, бессильной. И наверное, ему самое место на каторге. Вот только кто я такая, чтобы решать его судьбу? Я не императрица, а это не настоящий суд.

– Эсселин Сольвер... – нарушил маг тягостную тишину.

Скальде больше не вмешивался, предоставив мне самой выбирать из трясины, в которую я так бездумно себя загнала. И теперь медленно, но верно в ней увязала.

– Десять лет рабства – слишком суровое наказание за мошенничество и попытку насилия.

– Все по законам Сумеречной империи, эсселин Сольвер. Решайте! – жестко ответил старейшина.

Не думаю, что здешние галеры многим отличаются от земных галер былых веков. А значит, условия там адские. И в лучшем случае Крейн или вот этот дурачок Леан вернутся через

десять лет на сушу немощными старцами. В худшем – вообще не вернуться. Чем же тогда это наказание милосерднее смерти?

– Я не считаю себя вправе отнимать десять лет жизни, а может, и всю жизнь ни у одного из этих людей.

– Защищаете? – сделал неправильные выводы императорский советник, явно намекая, что пекусь я о судьбе своего любовничка Блейтиана.

– Пытаюсь быть справедливой. Вы ведь этого требуете от императрицы?

Беря пример все с того же Герхильда, взглядом обрушила на голову интригана снежную лавину. А потом еще и от себя добавила, в мечтах от души огрев его сковородкой по темечку.

– Я уже говорил и повторяюсь еще раз, эсселин Сольвер: быть императрицей – это не только примерять наряды и носить корону, радовать супруга и услаждать взоры придворных, восседая на троне...

– Вы забываетесь, эррол Тригад, – рыкнул на старика Герхильд, перестав изображать из себя снеговика-пофигиста.

– ...это готовность идти на жертвы и принимать непростые решения, – продолжал гнуть свою линию трижды гад, давить авторитетом и дико меня раздражать. – Вот что значит быть императрицей!

– Тогда, – сердце ударилось о ребра, а потом затихло, – я... Я не достойна ею быть.

Зал накрыла звенящая, оглушительная тишина.

Если бы силою мысли можно было испепелить, мой прах уже сегодня отправили бы в родовой склеп Сольверов. К счастью, в таком способе убийства его мрачность оказался не силен, зато преуспел в другом: последние несколько мгновений успешно делал мне лоботомию взглядом.

Я на тальдена принципиально не смотрела, решив, что на сегодня с меня достаточно переживаний. Сфокусировалась на дымке, маячившей перед глазами, сквозь которую пленники походили на большие темные кляксы.

– Значит ли это, что вы отказываетесь продолжать принимать участие в отборе? – силась сдерживать рвущееся наружу ликование, спросил гадский гад, он же эррол Тригад.

Я открыла рот, собираясь ответить, хотя даже смутно не представляла, что скажу. За опрометчивую фразу, минуту назад сорвавшуюся с языка, Блодейна вполне могла пустить меня на корм фальвам. Или выпихнуть под машину Лешу. Поэтому, как бы ни рвалась из Ледяного Лога, следовало обуздать эмоции и впредь быть осторожней.

К счастью, Герхильд избавил меня от необходимости отвечать.

– Это значит, что эсселин Сольвер снова проявляет характер, когда ее об этом не просят. Челюсть отвисла еще ниже, грозя в любой момент познакомиться с полом.

– Но она... – это снова старейшина.

– ...должна пройти испытание и наконец вынести преступникам приговор, – невозможно закончил за старца Ледяной.

– Она должна ответить, – почти взмолился эррол.

Бедолага. Как же ему не терпится от меня избавиться. Им всем.

– Эррол Тригад, я всегда ценил вашу сдержанность и редкое умение говорить только по существу и когда это нужно. Но сегодня вы меня разочаровали. У вас что, словесное недержание?

Я же говорю, что-то с желудком.

По залу прокатился сдержанный смешок, что немного разрядило обстановку. Вовремя. Не знаю, как остальные здесь собравшиеся, но я чувствовала себя заброшенной в кратер вулкана, из которого вот-вот должна была хлынуть раскаленная лава.

Старейшина пошел пятнами. Заскрипел от досады зубами и, кажется, собирался продолжить настаивать на своем, когда Герхильд подозрительно вкрадчивым голосом попросил:

– Давайте не будем заставлять эсселин Сольвер судить сразу трех заключенных.

Намек был более чем прозрачен. Эррол Тригад благоразумно ретировался. Влился в ряды своих молча негодующих коллег и зашептался о чем-то с соседями справа и слева.

– Упростим вам задачу, эсселин Сольвер.

Я не видела усмешки тальдена, потому как по-прежнему старалась на него не смотреть, но чувствовала ее всеми фибрами своей забравшейся в пятки души и каждой клеточкой своего-чужого тела.

– Раз вам так нравится заводить домашних питомцев, заведите себе еще одного.

– То есть? – нахмурилась.

– Выкупите одного из заключенных.

Настороженно покосилась на Герхильда, гадая, где тут подвох.

– Разбрасываетесь моими подарками вы без сожаления и, думаю, будете рады отдать безделушку в обмен на жизнь пленника. Которого – решать вам. Как сказал эррол Тригад, один может быть освобожден по закону. Другой отправится вам в услужение. Хотите себе в пажи Крейна?

От такого предложения герцога перекошило. Он слабо дернулся, но был тут же придавлен к полу древком алебарды. Даже в самом жутком кошмаре Крейн не мог представить себя мальчиком на побегушках у той, что вчера была в его власти. Ну а мне, понятное дело, смотреть на этого маньяка противно, и ни в какие пажи я бы не взяла его даже под угрозой пыток.

– Ну так что, эсселин Сольвер? Отдать вам герцога?

– Нет, благодарю, – процедила сквозь зубы. Ненавижу эту герхильдовскую манеру разговаривать со мной (да и со всеми остальными тоже) так, будто я пыль на подошвах его сапог. – Уж как-нибудь обойдусь без такого пажа.

– Тогда даруйте ему свободу и выкупите мальчишку.

– Знаете же, что не хочу ему ничего дарить. Не заслужил он свободы, – прошипела тихо, вынужденно подаваясь к тальдену.

– Вы сами не знаете, чего хотите, эсселин Сольвер, – усмехнулся Герхильд. Возвысив голос, чтобы придворные не изнывали от любопытства, гадая, о чем мы там перешептываемся, громко спросил: – Ну так как поступите?

Паренек смотрел на меня молящим, полным надежды взглядом. Кот из «Шрека» при виде его удавился бы от зависти.

– Хорошо, я выкуплю Леана Йекеля, – вздохнула и предупредила: – Но герцог должен будет уехать.

– Обещаю, в Ледяном Логге он не задержится, – невозмутимо заверил меня наследник.

Я потянулась к застежке ожерелья, готовая расстаться с ним без сожаления, лишь бы этот фарс поскорей закончился, когда услышала насмешливое:

– Другое, эсселин Сольвер.

– Другое что?

Тальден пробежался взглядом по лифу платья, многозначительно задержавшись на моей... булавке.

Я чуть не задохнулась от возмущения. Ах ты ж драконьей матери сын!

– Нет!

Накрыла зачарованное украшение ладонью, желая защитить, оградить его от посягательств бессердечного Ледяного.

– Тогда возвращаемся к первоначальному варианту, – безразлично пожал плечами Скальде. Со скучающим видом откинулся на спинку кресла, махнул рукой в сторону заключенных. – Решайте, кого отправлять на каторгу.

Паренек сник. Понуро опустил голову и больше не пытался встретиться со мной взглядом, чтобы мысленно молить о пощаде. Крейн чему-то усмехался, и в тот момент мне страх

как хотелось отправить его на каторгу. Только, боюсь, совесть меня потом замучает. Не хочу брать грех на душу и до конца жизни нести на себе бремя вины, каждый день вспоминая, что обрекла человека, пусть и отпетого негодяя, мерзавца, на десять лет страданий.

Придворные поочередно переводили взгляд с меня на его подлечество, не понимая, почему мешкаю. Не догадываясь, что, расставшись с булавкой (для них – копеечной безделушкой, а для меня бесценным сокровищем), буду обречена испытывать чувства к человеку, достойному одного безразличия. Без булавки станет ведь еще больше.

Пальцы дрожали, пока отстегивала украшение; не слушались, как будто не желали, чтобы гранатовая крошка бусин распрощалась с изумрудным шелком наряда. Нечаянно укололась об острый кончик. Обожглась, когда коснулась тальденовой ладони, отдавая ему подарок.

Пусть подавится!

На Скальде не смотрела и в тот момент отчаянно клялась самой себе, что больше никогда и ни за что на него не взгляну. И теперь уже точно найду способ исчезнуть из Ледяного Лога!

– Забирайте свой трофей, эсселин Сольвер. – Герхильд поднялся, указав на первого заключенного. – А этого уведите, – приказал страже, мазнув по Крейну отмороженным взглядом.

– Но ты же пообещал ему свободу! – рванулся к своему подданному Игрэйт.

– Я обещал, что его не будет в Ледяном Логе. Больше ничего. Эррол Тригад, пойдемте, – почти что мягко обратился к старейшине наследник, не обращая внимания на исходящего злобой кузена. И обо мне, статуей застывшей на троне, кажется, тут же позабыл.

Жаль, я без булавки так быстро забыть о нем не сумею.

– Представление окончено, можете расходиться, – напоследок бросил придворным, раскрошив голосом лед по залу приемов.

Стремительно удалился, уводя с собой как будто постаревшего на десяток лет, ссутулившегося и бледного советника.

Глава 8

Старейшина торопливо перебирал ногами, пытаясь приноровиться к широкому шагу наследника.

– Ваше великолепие, вы должны понимать: я всегда действовал и буду действовать только в ваших интересах. – Маг тяжело дышал. Не от быстрой ходьбы – от волнения. – В интересах империи!

Отраженный вековыми стенами, страстный возглас разлетелся по пустынной галерее. Дробясь на множество отголосков, прокатился по Ледяному Логу.

Скальде остановился, прикрыл глаза, призывая на помощь всю свою выдержку. В последнее время ему все сложнее становилось себя контролировать. Долгий полет под звездным небом, сначала чернильно-синим, а после поблекшим, ставшим пепельно-серым с розовой каймой восхода над горизонтом, не принес долгожданного облегчения. Бескрайние пустоши далеко за пределами Хрустального города теперь были замурованы в лед. А в тальдене к утру, казалось, не осталось и капли магии.

И злости тоже больше не должно было быть. Однако спустя всего несколько часов он снова чувствовал, как сила внутри бурлит, как в венах вскипает кровь. И штиль в душе сменяется сумасшедшей бурей.

А старик тут распинается про интересы империи.

– Перестаньте действовать, – глухо посоветовал магу, борясь с желанием открутить тому голову. Или вышвырнуть в мозаичное окно, возле которого они остановились. Тогда бы одним интриганом в замке стало меньше. – Перестаньте. Ее. Травить.

Лицо старейшины снова налилось краской негодования.

– Эта девушка не достойна короны императрицы. Вот эсселин Талврин – другое дело, – проговорил назидательно, нахваливая свою любимицу. – Или виконтесса Дерьен. Я искренне верю, нет, я убежден, что каждая из них способна принять вашу силу!

Но не каждую Скальде готов был впустить в свою жизнь.

– Фьярра останется здесь до конца отбора. Узнаю, что пытаетесь ее выжить, и одним старейшиной в Ледяном Логе станет меньше.

От Герхильда не укрылась скользнувшая по лицу мага мимолетная усмешка, истолковать значение которой было несложно. Скальде был наследником. Не императором. Отравляемый собственной магией, изо дня в день пожиравшей его изнутри. Медленно, но верно точившей его разум.

Избавясь он от неуютного советника сейчас, когда власть его ограничена, – и наверняка взбунтуются остальные. Приходилось считаться с мнением первых магов империи, хоть порой желание выставить из замка того или иного зарвавшегося всезнайку становилось невыносимым. Затмевало здравый смысл.

Единственное, что сдерживало старых склочников от более решительных действий против ненавистой им княжны, – это осознание того, что, если Ледяной все же станет правителем, им придется ответить перед ним за все свои «грехи».

Поэтому им ничего не оставалось, кроме как действовать исподтишка. Плести интриги за спиной будущего властелина в попытке вывести в королевы на шахматной доске жизни удобную им пешку. Остальные безжалостно уничтожались.

– Эсселин Сольвер ведь сама этого не хочет, – тихо проронил Тригад, прекрасно зная, куда лучше нанести удар. – Не хочет вас. Даже с привязкой. Удерживая ее здесь силой, вы только напрасно мучаете ее и себя. Отпустите княжну. Девушка не создана для престола. Все это видят. И вы тоже видите, хоть и продолжаете отрицать очевидное.

Скальде вздрогнул, заметив, как тень советника, отпечатавшаяся на стене, зашевелилась. Тригад оставался неподвижен, с укором и опасением смотрел на Ледяного, пока сознание тальдена терзал очередной несуществующий образ. Вот тень стекла по бугристой кладке, расплескалась по полу и вдруг резко вздыбилась, протягивая щупальца к старейшине, готовая наброситься на него в любую минуту. Мираж как будто являлся отражением чувств, что испытывал Герхильд к советнику.

– Надеюсь, вы меня поняли, эррол Тригад. – Скальде зажмурился на миг, а потом тихо проронил: – И предупредите остальных.

От цепкого взгляда мага не укрылась сиюминутная слабость Ледяного. Мужчина поспешил за тальденом, пытаясь того нагнать.

– Ваше великолепие, вы играете с огнем. Вы должны чаще уединяться с эсселин д’Ольжи.

– В таких делах как-нибудь обойдусь без ваших советов, эррол.

– И все же позвольте дать вам один, хоть вы их и не любите. Сейчас я говорю с вами не как старейшина, а как друг. Наставник, на глазах которого вы выросли. – Заметив, что его все-таки слушают, хоть и без особого желания, маг удовлетворенно кивнул и вдохновенно продолжил: – Всю свою жизнь я преданно служил вашей семье. Помню, что творилось с вашим отцом до того, как он женился и вззошел на престол. Император не сошел с ума только лишь потому, что каждую ночь рядом была женщина. Та, которая делила с ним постель и забирала крупички его силы. Графиня д’Ольжи должна всегда быть с вами. Не отталкивайте ее. Если же ее сиятельство вам больше неинтересна, любая другая эсселин почтет за честь занять ее место.

– Отец не сошел с ума только благодаря моей матери, – скупое возразил Скальде.

– Достоянейшей из достойных алиан, – согласно кивнул маг. – Император поступил мудро, выбрав в жены именно ее. К сожалению, эсселин Сольвер не обладает даже толикой качеств покойной императрицы.

– Мудро или нет, но это был его выбор. А вам все нейдет выбирать за меня. Я пока еще в своем уме, эррол Тригад, и пока еще могу самостоятельно принимать решения. Без ваших подсказок.

Старейшина не отставал, вознамерившись во что бы то ни стало образумить упряма. Очистить его сознание от глупого и опасного наваждения, коим виделась ему старшая дочь князя Лунной долины.

– Сегодня эсселин Сольвер показала, что слаба не только телом, но и духом. Не уверен, что такая сможет принять силу императорского рода... Вполне возможно, что, сделав ее своей ари, вы обречете девушку на смерть. Раз уж она вам дорога, подумайте над моими словами. – Маг заискивающе улыбнулся. – И еще раз очень вас прошу присмотреться к эсселин Гленде и эсселин Ариэлле. Я верю, что, узнай вы их получше, одна из них, несомненно, вас заинтересует.

Скальде угрюмо усмехнулся своим мыслям. Всякий раз, закрывая глаза, он видел не Гленду, не Ариэllu. Только *ее*. И только страх причинить Фьярре боль, невольно отнять у нее жизнь останавливал Ледяного от принятия окончательного решения.

Скальде боялся назвать ее своей, но и отпустить алиану было выше его сил.

– Ваше великолепие, – ядовитым пауком проникал в разум Ледяного голос советника, – мне бы очень не хотелось видеть на троне Игрэйта Хентебесира. Но другие старейшины к нему благоволят. Они не желают принимать эсселин Сольвер в качестве императрицы, и, выгораживая ее, вы настраиваете против себя самых могущественных магов империи. Это недалеко-видно. Не хватало еще, чтобы в замке стали шептаться, что хорошо бы сменить императорскую династию. Проклятых Ледяных поменять на незапятнанных чарами проклятия Огненных.

Скальде замедлил шаг.

– Эррол Тригад, это угроза?

Под пристальным, колющим льдом взглядом наследника старейшина стушевался и продолжил уже не так уверенно:

– Я же вижу, вы едва сдерживаете рвущуюся наружу силу. А скоро это заметят и остальные. Будет лучше, если старейшины останутся на вашей стороне. Лучше для вас.

– Не торопитесь спускать дольгаттов и хоронить меня, советник, – холодно оборвал мага Герхильд, желая прекратить тяготивший его разговор. – Я контролирую свою магию. И раз уж мы обмениваемся советами, вот вам мой: сто раз подумайте, прежде чем мечтать о таком правителе, как Хентебесир. Вам кажется, им будет легко управлять. Но такими безумцами, как мой кузен, управлять невозможно. Если хотите, чтобы империя и дальше процветала, лучше держитесь за меня. И принимайте мои решения без штыков и истерик.

* * *

Сбежать под шумок из зала приемов не получилось. Сначала меня долго и нудно воспитывала эссель Тююлин. Чихвостила за недостойное алианы поведение и за мое ослиное упрямство – нежелание становиться императрицей. Право слово, могла бы уже привыкнуть... Потом приставал лакей, которому я вменила в обязанность позаботиться о Бусинке-Зорьке. Сказав, что о судьбе животного я подумаю позже, когда перестану чувствовать себя переспелой сливой, шлепнувшейся на землю с самой высокой ветки и превратившейся в несъедобную кляксу, на ватных ногах поплелась к себе.

Перед глазами то вспыхивали, то гасли события минувшего утра, и сердце продолжали терзать воспоминания ужасной ночи. Праздничной.

Да уж, праздничек вышел что надо. Врагу не пожелаешь.

Говорят, как Новый год встретишь, так его и проведешь. Раньше я не верила в приметы, но в Адальфиве поверишь и не в такое. А вдруг и правда так проведу?

Боже упаси...

В спальню входила, мечтая об одном: как можно скорее уронить себя в кровать, зарыться под одеяло и не выбираться из-под него до самого финала отбора. Все будут только рады, если я куда-нибудь денусь. Чтобы глаза не мозолила. И распрекрасная стерва-графиня, и завистницы-алианы, и вечно всем недовольная сваха. А уж старейшины так и вовсе от счастья улетят на седьмое небо.

И что я им всем такого сделала, что у них всякий раз рядом со мной усиливается желчевыделение, а глаза наливаются кровью, как у быков при виде красной тряпки? Всего лишь имела глупость влюбиться в Ледяного. В этого бесчестного, бессердечного дракона.

Уф, подлый, подлый Герхильд! Забрал единственное, что могло спасти меня от ядовитого к тебе чувства!

Не успела я переступить порог спальни, как Снежок принялся ластиться ко мне, тереться о ноги.

– Хороший мой.

Подхватив кьерда на руки, крепко прижала к себе. Питомец не вырывался, урчал громко, цепляясь коготками за платье. Будто чувствовал, как мне сейчас плохо и как я нуждаюсь в его внимании.

А может, таким образом просил защитить его от двух ненормальных, развернувших в спальне самые настоящие баталии. Я бы назвала разыгравшуюся у меня на глазах битву «Встреча пажа и служанки». Встреча проходила эмоционально, я бы даже сказала, бурно.

Мабли, отчаянно жестикулируя, все пыталась выставить за дверь мною помилованного. За свободу которого пришлось расплатиться самым ценным, что у меня было. А тот ни в какую не хотел выставляться и на каждую возмущенную реплику служанки отвечал саркастическими ухмылочками и колкими фразами, намеренно еще больше распаляя Мабли.

Задира.

– Оборванцам не место в покоях княжны! – окончательно утратив над собой контроль, громко взвизгнула девушка. Для острастки еще и ногой притопнула, руки воинственно сжала в кулаки, сверля Леана Йекеля возмущенным взглядом.

– Да ты на себя посмотри! Тоже мне, нашлась командирша. На какой помойке тебя вообще отрыли? Такую замухрышку. Я подожду ее утонченность вот здесь, – демонстративно растянулся поперек моей постели. – И не сдвинусь до ее прихода с места.

От такой наглости Мабли оторопела и теперь молчала, беспомощно хлопая глазами.

Я кашлянула, привлекая к себе внимание.

– Я пришла.

Леан тут же придал своему тощему телу вертикальное положение. Вытянулся в струнку и руки по швам сложил. А у парня отменная выправка.

– Ничего еще не успел украсть?

– Никак нет, ваша лучезарность! – отрапортовал «новобранец».

– К счастью, пока еще утонченность, и надеюсь оставаться ею и дальше, – хмуро отозвалась я. Заметив, что Мабли порывается что-то сказать, и догадываясь, кто станет темой ее страстного монолога, устало попросила: – Давай потом. А сейчас помоги Леану найти комнату. И одежду ему подыщи.

– Но ваша уто...

– Пожалуйста, – взмолилась, прикрывая глаза.

– Пойдем, – раздался тихий голос паренька. Насмешки в нем как не бывало. – Видишь же, ее утонченность устала и хочет побыть одна.

Устала – не то слово. Когда за новоиспеченным пажом и пылающей праведным гневом служанкой закрылась дверь, я без сил опустилась на кровать да так и замерла со Снежком на руках, бездумно глядя перед собой. Куда – не понимала. Просто смотрела вдаль: не то на снежный узор, облепивший окна, не то на серый камень витых колонн, обрамлявший расписанные морозом стекла. А может, на танцевавшие в потоках солнечного света блестящие пылинки.

Такой ясный, погожий день. Пусть и холодный. А у меня на душе темно, и мрачно, и так паршиво-тоскливо...

По щеке проползла слеза, оставляя на коже влажную дорожку.

Старейшины не успокоятся, пока меня не доконают. Не угомонится и Блодейна, продолжит шантажировать. Будет упиваться триумфом Далива. И алианы вроде Хелет и Керис заключут, как стервятники, если Скальде и дальше будет проявлять ко мне свое чертово внимание.

А он будет. И не отпустит. Не освободит от навязанной роли невесты. Станет безжалостно наблюдать за тем, как варюсь в собственных чувствах, приправленных любовной магией. Гремучая, взрывоопасная смесь.

Вопрос лишь, когда рванет?

Рвануло, как оказалось, очень скоро. Жалобно застонали дверные петли, прошелестели юбки. Знакомый цветочный запах – духи Ариэллы. И нежное, невесомое касание пальцев к моей чуть дрогнувшей руке. Ласковый шепот опустившейся передо мной на колени девушки:

– Фьярра, ты как? Ты убежала...

И слезы, ручьем хлынувшие из глаз. Которые не было сил больше сдерживать. Не было сил молчать.

– Я... не Фьярра. Не Фьярра я! – всхлипнула. – Не она...

Глава 9

Ариэлла смотрела на меня расширившимися от изумления глазами. Но к счастью (а может, нет), не перебивала. Понимала, что мне необходимо выговориться. А я при всем желании не смогла бы сейчас остановиться. Слова лились из меня... не рекой – бушующим потоком, прорвавшим плотину молчания.

Захлебываясь слезами, я рассказала о венчании в церкви с Лешей, которое внезапно превратилось в помолвку на вершине горы с ледяным драконом. Повела о Блодейне и ее хитроумной игре, в которой мне отвели незавидную роль пешки и козла отпущения. Призналась и в том, что морканта грозила навредить мужу, откажись я занять место Фьярры. И периодически мне об этом напоминает, для профилактики. А иногда и маму с бабушкой приплетает. Ведьма лупоглазая.

– Наверное, ты думаешь, я совсем того, – сокрушенно хлюпнула носом. Опустила руки на алое шелковое покрывало, выпуская на волю Снежка, которого до сих пор душила в объятиях, сама того не осознавая.

Питомец явно обрадовался свободе и потрусил от истеричной хозяйки куда подальше, а именно в другой конец спальни. Забрался под приставленное к камину кресло, передоверив рыдающую меня сердобольной Ариэлле.

Девушка поднялась с колен. Устроившись со мною рядом, бережно взяла за руку. Ее прикосновения дарили тепло и поддержку, в которых я сейчас так нуждалась, помогали унять ледяную дрожь, неприятно коловшую пальцы.

– То, что ты говоришь, – невероятно. Невозможно, я бы даже сказала. Но многое объясняет. То, как ты себя иной раз ведешь... Все эти странные словечки, что я так часто от тебя слышала. И о нас ты многого не знаешь, о наших порядках и традициях.

Даже странно, что столько времени мне удавалось водить всех за нос. Наверное, потому старейшинам так не терпится от меня избавиться. Для них я чужачка. Они этого не понимают, но догадываются где-то на подсознательном уровне. Вот и пытаются спровадить из Ледяного Лога инородное тело, то бишь фальшивую эсселин Сольвер.

А Скальде, наоборот, неосознанно ко мне тянется.

Подумала так и усмехнулась горько, напомнив себе, что точно так же, а то и больше он тянется к своей расчудесной графиньке. Да и вообще, таких графинец у него полон замок. Может, он каждую ночь забавляется с новой придворной красавицей.

– Блодейна говорит, только она способна вернуть меня обратно.

Ариэлла сочувственно вздохнула и развела руками.

– Кто знает, может, так оно и есть. В детстве кормилица читала нам истории о других мирах. О том, что мироздание – это плодоносное дерево, а Адальфива – один из самых прекрасных его плодов.

Как по мне, так с гнильцой. Червяков внутри полно. Вроде морканты и Крейна.

Не догадываясь о посетивших меня ассоциациях, алиана продолжила:

– Но я думала, это все выдумки. Легенды – в них же столько вымышленного. – Девушка нахмурилась, словно что-то припоминая, а потом неожиданно подхватила: – А вообще, подожди...

Поспешила к резному столику, чтобы щедро плеснуть воды в стеклянный кубок, а потом всучить его мне со словами:

– Пей. Поможет успокоиться.

Шмыгнув носом, я послушно осушила кубок. Сердце уже билось не так тревожно, и слезы больше не слепили глаза. Я не глотала жадно ртом воздух, разве что дышала немного неровно.

– Ты что-то вспомнила? – с надеждой подняла на алиану глаза.

Ариэлла задумчиво покусала губы.

– Ну как сказать... Мой старший брат помешан на мифах о Древних. Помню, слышала от него о переходах – священных местах в Адальфиве, скрытых от нас, простых смертных. Якобы через них боги являлись в наш мир и проникали в другие. Если верить преданиям, духи появлялись только там, где им было чем поживиться. Молитвами верующих, людским восхищением и преклонением перед ними. Человеческими жертвами.

Нарциссы недоделанные и канныбалы хреновы.

– Значит... возможно, где-то здесь есть портал на Землю? – Я чуть не задохнулась от захлестнувших меня эмоций. Прошелестела непослушными губами, вся дрожа от волнения: – Если я такой найду... А как же тело? Останется здесь, а на Землю вернется только моя душа?

Подавленность, уныние как рукой сняло. Некогда мне тут киснуть, как просроченное молоко. Некогда поливать слезами узорчатые коврики. Нужно действовать!

– Давай поступим так, – осадила меня невеста его кобелистости. – Я напишу брату, расспрошу его о переходах.

– Только...

– Адельмар ничего не узнает. Обещаю. Я придумаю, как объяснить ему, почему вдруг заинтересовалась историей. О тебе ни слова не скажу!

– И Гленде тоже не рассказывай. Пожалуйста, – с мольбой заглянула Ариэлле в глаза. Карие, ясные – они излучали тепло, как и улыбка, отпечатавшаяся на полных губах.

– Твоя тайна – моя тайна! – горячо заверила девушка. Улыбнулась еще шире, снова срываясь с места. – Сейчас!

Вытряхнув на туалетный столик содержимое первой попавшейся под руку шкатулки, схватила инкрустированную сапфирами шпильку – мушкетерская шпага в миниатюре. Взяла меня за руку и, прежде чем я успела запротестовать или хотя бы пискнуть, уколола мне острым кончиком палец.

– Ай!

После чего, не колеблясь, пустила кровь себе. Прижалась своей ладонью к моей, так, чтобы наши пальцы соприкоснулись, и проговорила голосом, каким можно произносить спич на пафосном торжестве:

– Клятвы на крови нерушимы. А если у меня вдруг случится помутнение рассудка и я кому-нибудь проболтаюсь, стать мне такой же ледышкой, как покойные ари в императорском саду!

– Может, не стоило? – прошептала с тревогой. Еще каких-то несколько недель назад я бы восприняла подобную клятву как ничего не значащую шутку. Но теперь знала, что в Адальфиве с таким не шутят. А вдруг, не дай бог, и правда превратится?

Ариэлла гордо вздернула подбородок:

– Мы, Талврины, всегда держим слово. А тот, кто предает друзей, недостойн носить славное имя моего рода!

– Спасибо.

Слезы снова предательски защипали глаза. И откуда их столько берется? Я крепко обняла девушку, так неожиданно протянувшую мне руку помощи, даровавшую пусть и зыбкую, но все-таки надежду обрести свободу.

– Думаешь, твой брат действительно что-то знает?

– Если кто и знает, то это Адельмар, – без тени сомнения отозвалась подруга. – Сегодня же отправлю ему послание. Только не плачь.

– Не буду, – помотала головой и улыбнулась сквозь слезы.

– Ну вот и хорошо. – Ариэлла замялась. Дрогнули ресницы, и алиана устремила на меня внимательный, испытывающий взгляд, приправленный толикой любопытства. – А как же

Скальде? Не думала остаться ради него? Разве не хочешь быть с ним? Когда вы вместе, из вас двоих разве что искры не летят. Вот как сегодня.

Я неопределенно пожала плечами. Разум вопил категоричное «нет, не хочу!»; сердце, страдая, стонало: «Возможно». А Аня несколько часов назад, одурманенная, отравленная этим опасным чувством, мечтательно прошептала бы: «Разумеется, думала и, конечно, хочу!»

Но «Аня несколько часов назад» больше не было. Она стала призраком и на веки вечные поселилась в спальне тальдена, где он с таким упоением обхаживал свою фаворитку. Теперь фантом прошлой меня будет летать ночами над кроватью его власти и шипеть в его адрес всякие гадости. Чтоб не спалось так безмятежно и сладко. Герхильду и всем, кто решит составить ему компанию.

– Мои желания не имеют значения. Если тальден выберет меня и я не превращусь в льдину, Фьярра тут же вернется в Адальфиву с лаврами победителя. Я не хочу ради нее рисковать жизнью. Да и вообще, предпочитаю держаться от лгунов подальше.

В особенности от лгунов, подверженных сиюминутным прихотям: то корчит из себя мистера благородство и освобождает от любовных чар, то, когда игра в рыцаря наскучивает, безжалостно превращает меня во влюбленного зомби.

Нужен мне такой деспотичный бабник? Думаю, ответ очевиден.

Не заметила, как из меня снова стали выскакивать пронизанные обидой и горечью фразы. О прогулке по предрассветному замку и пикантной сцене, от которой я, как от опасной для жизни опухоли, тщетно пыталась избавиться, снова и снова оперируя свое сознание.

Но видимо, та оказалась злокачественной, пустила метастазы прямо в сердце. И со зрением у меня теперь неполадки: голая Далива в объятиях Ледяного по-прежнему стояла перед глазами.

Ариэлла слушала со странным выражением на лице: сочувствие туго переплелось с недоумением и тревогой. А стоило мне умолкнуть, чтобы перевести дыхание, как она сказала:

– Знаешь, я даже рада, что ты ему не призналась. Наши прародители, первые тальдены и алианы, давали ритуальные клятвы: всегда быть искренними друг с другом. Поэтому мы рождаемся с осознанием, что ложь любимому – страшный грех. Если тальден ранит невесту обманом, она, вероятно, терпит и молчит. Хоть и будет страдать. Но если обманет алиана... Бывало, таких, как мы, за ложь убивали. Даже боюсь предположить, как бы отреагировал его великолепие, признайся ты ему сейчас, спустя столько времени. Ты дорога ему, и, может статься, он не простил бы тебе обмана. Просто не смог бы.

– Если бы была дорога, не тискал бы вчера мамзель д'Ольжи, – буркнула я.

Ариэлла закатила глаза.

– И хорошо, что тискал, Аня! Хотя нет, лучше буду по-прежнему звать тебя Фьяррой, – опомнилась подруга и зачастила бойко: – Графиня нужна ему. Понимаешь? Ну-жна. Это не прихоть, не каприз. В случае Герхильдов это жизненная необходимость. Тебе вообще не следовало к нему идти! Мне бы такое сумасшествие в голову не пришло. Вот если б стал твоим мужем, тогда бы предъявляла претензии. И то... Видимо, у вас в том мире отношения между мужчинами и женщинами совсем другие.

Я угрюмо кивнула.

Понимала, Ариэлла права. Но одно дело понимать разумом и совсем другое – принимать сердцем. А сердце болезненно сжималось, становясь пересушенным сухофруктом, при мысли о том, что ночью он был с ней. Дарил ей пусть не любовь, но страсть, эмоции. Свои чувства. Обцеловывал, ласкал, быть может, что-то шептал на ушко...

Больно. Не хочу и все равно не перестаю об этом думать.

– Не рассказывай ему, – тихо попросила Ариэлла, забирая у меня опустевший кубок, который я с такой силой сжимала в руках, что даже удивительно, как уцелела стеклянная ножка. – Возможно, Скальде все-таки тебя поймет и не тронет. Накажет морканту. И поделом

ей! Но ведь пострадает и Фьярра. – Заметив горькую усмешку на моих губах, подруга мягко сказала: – Она, конечно, дурочка, каких поискать. Натворила столько глупостей. И я даже смутно не представляю, как ты к ней относишься. Что чувствуешь. Но спроси себя, желаешь ли ей смерти? Казни и прилюдного унижения. Так что я даже рада, что ты застала Скальде с Даливой и ни в чем ему не призналась.

Ну хоть кого-то радует этот «славный» тандем. Меня однозначно нет! Но как ни крути, Ариэлла и здесь права. Я всегда беспокоилась о себе и своих близких. А о том, что может случиться с Фьяррой, ни разу не задумалась.

Раньше мне казалось, я ее ненавижу. А теперь... Наверное, где-то в глубине души я ей даже сочувствовала. Этой маленькой трусливой дурочке, ведомой по жизни властной нянькой. Отец без сожалений продал ее проклятому дракону, и князю плевать, что Фьярра жениха боится до одури. Точно так же, не задумываясь, как какую-то симпатичную безделушку, Ритерх готов подарить ее Хентебесиру, если в Ледяном Логе доченька придется не ко двору.

В общем, наш с Фьяррой папенька – тот еще мудака. И если обман раскроется, вполне возможно, императорский гнев падет не только на заговорщиц, но и на всех Сольверов. На князя в первую очередь. Ему так и надо. Но вот дочери Ритерха – они ведь ни в чем не виноваты. Младшей, Атель, только-только исполнилось двенадцать. Не хотелось бы, чтобы пять малолетних девиц остались сиротами. И братьев у них нет, которые могли бы о них позаботиться.

Значит, выход один: обуздать чувства. Любовь, ревность, злость – непозволительная для меня роскошь. Пустой каприз. Я не имею на них права, ведь здесь я всего лишь гостя. А настоящая жизнь ждет меня дома. Притворяясь и дальше Фьяррой, каждую свободную минуту буду посвящать истории Древних. Благо, теперь точно знаю, что дорога на Землю имеется. А может, и не одна. Надеюсь, брат Ариэллы поможет. Но и самой не стоит сидеть сложа руки. Пора вернуться к штудированию императорской коллекции редких талмудов.

И Снежка надо будет как-то от себя отвязать. Хорошо бы передарить его подруге. Ариэлла от кьердика без ума, и он ее искренне любит. Ну или вкуснятину, что она каждый день ему приносит. А больше... Больше меня здесь ничто не держит.

Надо только почаще себе об этом напоминать.

Алиана предложила пересест поближе к камину. Туда же перетасила вазочку с имбирным печеньем. Сверкая глазами от любопытства и предвкушения, заискивающе попросила:

– А Расскажи о своем мире. Какая она, Земля?

* * *

Мощные крылья разрезали промозглый воздух. Вынырнув из пелены облаков, темная точка стремительно приближалась к отвесной скале, в недрах которой прятался позабытый всеми храм Леуэллы.

Последний взмах крыльев – дракон приземлился перед входом в пещеру. Острые когти царапнули землю, оставляя на камне глубокие борозды. Снежная пыль, выбелившая валуны, взметнулась в воздух, чтобы назойливой мошкаркой замельтешить перед вытянутыми в нитку зрачками дракона. Зверь фыркнул раздраженно, ударил крылом, отчего каменная крошка посыпалась с пологого склона. По алой чешуе, в закатных лучах как будто объятый пламенем, пробежала рябь заклинания. На яростный рев могущественного хищника нахлобился крик человека. Мужчины, спустя несколько болезненных мгновений обессиленно рухнувшего на обледенелую землю.

Наготу тальдена скрыла растекшаяся по тренированному телу одежда. Подбитый мехом плащ, мягко шелестя, окутал плечи. Тяжелые полы разлетались под порывами беспощадного северного ветра. Маска угрюмой мрачности легла на лицо Огненного.

Мысленно проклиная надоевший до зубовного скрежета холод, закрутившуюся поземку, бросавшую в глаза целые пригоршни снега, Игрэйт поспешил в пещеру.

Внутри было немного теплее, все так же сыро, но хотя бы безветренно. Хозяин воздушной стихии остался завывать где-то снаружи, и чем дальше князь удалялся по ощерившемуся ледяными шипами туннелю, тем тише становились протяжные стоны ветра.

В голубоватом мерцании, струившемся по затянутым льдом стенам, Огненный видел свое нечеткое отражение. На высоком лбу залегли складки, прежде незаметные мелкие морщины пучками собрались в уголках глаз – в последнее время его светлость постоянно хмурился. Из-за сильных эмоций, что неукротимым пламенем жгли внутренности.

Сейчас Игрэйт как никогда прежде ненавидел Герхильда. Желал Фьярру. Злился на Крейна. Проклинал сумасбродного духа, так опрометчиво подставившего герцога.

И боялся.

Боялся за себя. В любой момент верный слуга, Блейтиан Крейн, мог сломаться, не выдержав пыток и заговорить. Тагров кузен не пожелал его отпустить даже в первый день зарьяного месяца. Даже после приговора, что вынесла Крейну алиана.

И старейшины, как назло, в этот раз поддержали Скальде.

Герцога нужно вызволять, и как можно скорее. В крайнем случае – тайно проникнуть в подземелье Ледяного Лога, чтобы по-тихому перерезать пленнику глотку. Но ни устроить узнику побег, ни уничтожить его, чтобы наконец можно было спать спокойно, не представлялось возможным: стража не спускала с Крейна глаз.

В собственных силах тальден уже почти разуверился. Да и не хотел лишний раз собой рисковать. Потому и явился в заброшенный храм снежного духа, чтобы снова просить Древнюю о помощи.

– Леуэлла!

Нетерпеливый возглас разлетелся по Кристальной пещере, разломившись на множество отголосков-осколков.

– Туточки я.

Не прошло и секунды, как снежная дева откликнулась на зов Огненного, представ перед ним вихрем из сверкающих серебристых снежинок.

Словно намагниченные, они тянулись друг к другу. Сплаваясь, становились прекрасной беловолосой девушкой, которой в древние времена поклонялись в этих землях.

Богиня разочарованно поджала отдающие синевой губы.

– А ты без подарков, я погляжу.

– Мне нужна помощь, – не желая ходить вокруг да около, деловито заявил Хентебесир.

– Моришь голодом, и еще хватает наглости о чем-то меня просить, – насупилась зимняя красавица, то представавшая перед Игрэйтом опасной хищницей, то, вот как сейчас, примерявшая образ капризной девчонки.

– Нужно освободить Крейна.

Леуэлла выразительно цокнула.

– О герцоге мы не сговаривались. Так уж и быть, я разберусь со следующей ари его великолепия, но не перекладывай на мои хрупкие плечи еще и заботу о своей марионетке.

– Это из-за тебя он попал в тюрьму! – теряя терпение, гневно прошипел тальден.

Снежная дева безразлично передернула плечами.

– Вообще-то из-за твоего никчемного плана. В который я просто внесла незначительные коррективы.

– Незначительные! – вскипел Хентебесир. Попытался взять себя в руки и уже более сдержанно процедил: – Мне нужно вытащить Крейна, пока не заговорил.

– Проще убить.

– Я не разбрасываюсь полезными людьми!

– Ничего не могу поделать, милый. Я слишком слаба. Ты держишь меня на сухом пайке. – Леуэлла театрально запрокинула голову, прижав обманчиво хрупкую кисть к алебастровому лбу. Покосилась на Огненного, желая увидеть его реакцию на этот маленький спектакль, и заискивающе попросила: – Как насчет скромного жертвоприношения? И тогда, так уж и быть, я подумаю над твоей просьбой.

– Я пришла к тебе кого-нибудь, – мрачно обронил тальден.

– Сегодня же! – Глаза духа жадно сверкнули. Губы растеклись в хищной улыбке, обнажая острые аккуратные клычки. – Кого-нибудь поупитанней, пожалуйста. Последняя твоя подачка больше напоминала живые мощи. Пришлось давиться костями.

Снежная дева, как на трон, опустилась на каменный алтарь, кокетливо закинув ногу на ногу, и будничным тоном поинтересовалась:

– Что там с отбором? Все еще жаждешь жениться на эсселин Сольвер?

Игрэйт раздосадованно поморщился, припоминая утреннее испытание. Взгляды советников, обращенные на восседавшую в кресле императрицы Фьярру. Несомненно, трон алиане шел, она была как будто создана, чтобы украшать собой Сумеречный престол. Она и он, князь Темнодоля.

Если бы не неприязненное отношение к алиане старейшин.

– При дворе Фьярру недолюбливают, – признался, скрипнув от досады зубами.

– Еще бы им ее не недолюбливать после домогательств Крейна! – усмехнулась Леуэлла, не преминув уколоть призвавшего ее тальдена словами: – Сам виноват. Испортил девочке репутацию.

– Но...

– А впрочем, хорошо, что испортил. Скальде не должен на ней жениться.

– И без тебя знаю, – сварливо отозвался его светлость.

– Будешь и дальше за ней ухлестывать?

Игрэйт молчал, не зная, что сказать, потому как и сам еще не определился в отношении эсселин Сольвер. Фьярру он все так же желал, и с каждым днем желание это только усиливалось. Мучило, терзало, сводило с ума. Словно наваждение, жажда, которую хотелось утолить как можно скорее. Но... еще более отчаянно, страстно он мечтал править Сумеречной империей. И если совету неужодна такая владычица, он, конечно же, не станет идти против воли первых магов империи.

– Думаю присмотреться и к другим алианам.

– И все же не забывай об эсселин Сольвер, – промурлыкала снежная дева. Не ожидавший благословения от Древней, Игрэйт удивленно вскинул брови, а Леуэлла с лукавой улыбкой объяснила: – Заставим Скальде немножко понервничать. Магия переполняет его, Ледяной с трудом ее сдерживает. Лишняя встряска только ускорит процесс саморазрушения. Веди себя с эсселин Сольвер как прежде: ухаживай за ней, дари какие-нибудь приятные девичьему сердцу мелочи. Приглашай на прогулки. Ты, как возможный будущий жених, имеешь на это право.

– А как же старейшины?

– А что они? На тебя ведь еще не возлагают корону. Вот когда избавимся от Герхильда, тогда покажешь старикам, что алиана тебе и даром не нужна. Выберешь другую. А пока что эсселин Сольвер полезная фигура в нашей игре, дракончик.

На скулах Огненного от раздражения дернулись желваки. Игрэйт ненавидел, когда Леуэлла так к нему обращалась, своим снисходительно-покровительственным тоном неприятно его задевала.

– Помоги мне с Крейном, – посчитав разговор оконченным, хмуро напомнил на прощание.

– Милы-ы-ый, – окликнула его снежная дева. – Однажды ты спросил, как будешь расплачиваться за мои услуги...

Огненный напрягся.

– И?

Подлетев к обратившемуся в изваяние магу, Древняя едва ощутимо коснулась точеного абриса, отчего лицо князя заметно посинело, и мягко проворковала, будто нашептывала ему слова любви на ухо:

– Найди для меня Шарлаховое сердце.

Его светлость нахмурился, тщетно пытаясь припомнить, слышал ли что-нибудь об этом самом сердце. Но нет, название было ему незнакомо.

– Что это?

– Реликвия, – обтекаемо ответила Леуэлла.

– Почему сама не найдешь?

– Не все двери открываются передо мной в Адальфиве. Есть места, в которые я проникать не смею. Тем более в состоянии, в котором пребываю сейчас, вынужденная постоянно поститься.

– Зачем тебе сердце?

Тальден не сводил с зимней красавицы пристального взгляда.

– А вот это уже не твое драконье дело! – грубо отрезала Древняя. – Найди его, и уже к лету взойдешь на трон!

Игрэйт не ответил. Но и алчного блеска светлых глаз Леуэлле оказалось достаточно, чтобы понять: он выполнит требование.

Снежная дева блекла, становясь прозрачной, пока не рассыпалась мириадами крошечных песчинок, разлетевшихся по Кристальной пещере.

И только голос, шепот-обещание, продолжал звучать под ледяными сводами храма:

– Уже скоро, Мельвезейн. Уже скоро мы с тобой встретимся снова.

Глава 10

Ариэлла, коварная, убедила меня, что имбирное печенье хорошо идет под бокальчик разогретого с медом вина, от которого веки начали предательски слипаться. К снедавшей меня горечи прибавилось какое-то отупляющее спокойствие. Попрощавшись с подругой, не переставая зевать, доплелась до кровати. Прилегла, как думала, всего на несколько минуток. А когда проснулась, небо уже было все в звездах, пусть пока еще блеклых, затянутых фиолетовой дымкой сумерек. Горы, взявшие в кольцо Хрустальный город, венчала корона из закатных лучей. Укрытые снегом острые пики напитались багрянцем, в то время как сад под окнами моей спальни заволокло густой чернильной мглой.

Насладиться красивой панорамой мне не дали. В смежной со спальней комнате послышались переругивания, которые с каждой секундой звучали все громче. Паж и служанка никак не желали превращаться в слаженный дуэт, продолжали с упоением собачиться. В визгливый голос камеристки и насмешливый бывшего (надеюсь!) воришки вплеталось тоскливое мяуканье Снежка.

Первым в комнату вошел Леан, не удосужившись постучать. Надо будет вплотную заняться его воспитанием. Следом, словно ведьма на метле, влетела Мабли. Снова пунцовая и опять разозленная. Понятное дело кем. Вообще-то метлы у Мабли не было, зато на руках обнаружился кьерд.

У меня чуть челюсть при виде Снежка на пол не рухнула.

– Что вы сделали с моим котом?

Питомец издал очередное страдальческое «мяу», словно таким образом вопрошал мироздание: за что?! Длинная густая шерсть кьерда была тщательно вычесана и теперь лоснилась даже в приглушенном свете каминов. За это Мабли или кому бы то ни было большое спасибо. Ну а за все остальное... Снежная шерстка на холке и вдоль спины аж до самого пушистого хвоста была перехвачена розовыми и голубыми бантиками, отчего мой питомец стал похож на извращенную версию дикобраза. На морде, оттененной большим пышным бантом, повязанным вокруг шеи, застыло самое разнесчастное выражение.

Было видно, Снежку не по нраву это амплуа.

Наверное, что-то такое отразилось у меня на лице, потому что Мабли оскорбленно оправдалась:

– Это не я!

– И уж тем более не я! – поспешил снять с себя подозрения новоиспеченный слуга.

– Ну и кто тогда? – спросила я, забирая у девушки своего принаряженного страдальца.

Как вскоре выяснилось, сбежав от рыдающей хозяйки, Снежок на беду свою решил заглянуть к эсселин Фройлин. Он у меня вообще любитель прекрасного пола, а к алианам почему-то питает особую слабость и часто заходит к невестам в гости. В спальне у Майлоны коротала время за послеобеденным чаепитием Рианнон. Маясь от скуки, алианы решили поупражняться в парикмахерском искусстве и превратили кьерда в свихнувшегося модника.

– И как только им позволил? – дивилась я, разбираясь с многочисленными узелками. Завязали на совесть.

– Наверное, подкупили чем-то вкусным, – внесла свою лепту в расследование Мабли.

Вполне вероятно. У Майлоны в комнате съедобное не переводилось. А кьерд, после того как плотно покушает, становится до абсурдного послушным и до безобразия покладистым.

Коварные, коварные алианы.

– Я вот зачем пришла.

Пока я спасала Снежка от участи превратиться в придворного шута, Мабли все неодобительно косилась на Леана.

Парень приоделся. Сменил затрапезную куртку и протертые до дыр штаны на модные при дворе лосины, темно-синие, и ярко-красную ливрею, на рукавах которой красовался герб Сольверов: голубка, кротко склонившая клюв над зеленой веточкой. И когда только успели вышить... На ногах – нелепые башмаки с длинными, загнутыми вверх носами, под цвет форменного платья. Вот только со светлыми волосами Йекеля ничего не получилось сделать: они по-прежнему напоминали стог сена и живописно торчали во все стороны. На лице россыпь веснушек, в глазах – озорной блеск.

Мабли нетерпеливо кашлянула, отвлекая меня от визуального знакомства с подопечным.

– Ну так вот! Если все же решили оставить... этого у себя, чему эссель Блодейна, конечно же, не обрадуется... Она еще про кьерда не знает, – проворчала служанка и выпалила громко: – Нужно требовать с него клятву!

– Какую еще клятву? – вскинулась я, пытаюсь удержать в руках вырывающегося питомца.

Лучше бы ты так, мой милый, из рук Майлоны вырывался, а не мне сейчас характер показывал.

– Клятву верности. Чтобы не обманул и не предал!

– А ты, хитроумная, клялась? – недобро зыркнул на девушку новоявленный паж.

– Клялась, – гордо вздернула подбородок Мабли. – Всем эсселин Сольвер.

– За что хоть повязали? – перебила я девушку, и не думавшую закругляться.

Леан замаялся, а потому слово снова взяла разошедшаяся служанка. Еще немного, и решу, что ревнует.

– А я выяснила! Он нанимался на работу к зажиточным горожанам, уважаемым буржуа, втирался в доверие, а потом их обчищал. Да еще иногда и с хозяйскими дочерьми успевал интрижки крутить! Беспутник и плут!

– Все с тобой ясно, – освободила я нервно подергивающийся хвост кьерда от последнего банта. – Ну что ж, Леан, придется брать с тебя эту клятву. Сам понимаешь, сложно доверять такому, как ты.

Парень энергично закивал головой.

– А я разве против? Все понимаю. Еще как понимаю! И я вам так благодарен, ваша лучше... утонченность, в смысле. До гроба буду вашим слугой!

– Ну, до гроба – слишком долгий срок. Давай договоримся на год.

На том и порешили.

– Что нужно для принесения этой вашей клятвы?

Прямо день клятвоприношения какой-то. Не уверена, правда, что такое слово существует в природе.

– Понадобится маг и немного вашей с Йекелем крови, – довольно ответствовала служанка.

И здесь тоже кровь.

– Эррол Хордис в качестве мага подойдет?

Мабли кивнула. Порывалась сейчас же отправиться на поиски целителя, но Леан напомнил суетливой нашей, что госпожа алиана приглашена на ужин в Карминовую столовую, на котором пожелал присутствовать его ледяная вельможность. И что мне пора, спотыкаясь и падая, мчаться в купальню, наводить красоту.

В кои-то веки Скальде решил уделить внимание всем своим невестам разом. Интересно, Даливу на сабантуйчик тоже притащит? Или уединится с ней после трапезы?

Все! Ведь пообещала себе больше об этом не думать! Не думать, я сказала! О ней и о нем. Вот и не буду. Как-нибудь вытерплю час-другой в постылом обществе тальдена. А как появится возможность, сразу сбегу к себе и посвящу вечер еще непрочитанным книгам, что приносили мне подруги. Ну а завтра с утра пораньше отправлюсь в библиотеку и буду торчать там до посинения. Лучше – до победного конца.

Если понадобится, раскрою все, все, все тайны Древних, но выясню, как они гуляли по мирам, и отыщу путь на Землю!

– Его светлость тоже выразил желание ужинать с кузенom и алианами, – щедро добавила еще дегтя в полную бочку с дерь... дегтем же Мабли.

Я страдальчески застонала. Только Хентебесира для полного счастья не хватало.

– А еще он вам кое-что передал.

С этими словами девушка вручила мне коробочку, перевязанную синей лентой, и скрепленную сургучной печатью записку.

В ней его липучество в самых витиеватых, слащавых фразах просил прощения за то, что довелось мне пережить по вине Крейна, и выражал надежду, что я быстро оправлюсь. А он, князь Темнодоля, в свою очередь, сделает все возможное и невозможное, чтобы поднять мне настроение.

Он бы поднял его до небывалых высот, если бы сегодня же убрался из Ледяного Лога.

Далее Хентебесир продолжал растекаться патокой и хвалил мою безграничную щедрость, продемонстрированную на утреннем испытании. А также сокрушался по поводу того, что жестокий кузен забрал у меня безделушку, которая, как показалось Игрэйту, была мне безмерно дорога. И чтобы подсластить горечь утраты, тальден предлагал заменить булавку своим подарком.

Я громко хмыкнула, дочитав последнюю строчку. Скомкав листок, швырнула его в огонь. Потянула за ленту, овившую презент. В коробочке оказалась брошка-цветок. Красивая – ничего не скажешь. Но она и рядом не валялась с моей булавкой.

Которую у меня бессовестно конфисковали.

Рубиновые лепестки разметались по ладони, окаймляя бриллиантовую сердцевину. И все это богатство было искусно оплетено серебром, вобравшим в себя золотые отблески пламени.

подавив в себе желание послать брошь следом за запиской, я раздраженно положила ее обратно.

Его прислужник меня чуть не изнасиловал, а он мне как ни в чем не бывало подарки присылает. Видать, тормоза совсем отказали.

– А я вам тоже кое-что принес. – Подвинув Мабли, снова возмущенно запыхтевшую, словно древний локомотив в момент отправки, Леан шагнул ко мне. – Вот, держите, «Хрустальный вестник».

– Что-то типа газеты? – заинтересовалась я, принимая из рук пажа свиток, тоже красиво перевязанный ленточкой, на сей раз ярко-алой.

Йекель недоуменно развел руками, наверное, не понял, что значит слово «газета».

– Вы, между прочим, в городе самая популярная невеста, – подольстился.

– Надо же! – восхитилась я. Но не словами Леана, а бегущими по желтоватой бумаге аккуратными мелкими буквами, шустро складывавшимися в слова. Стоило задержать взгляд на какой-нибудь фразе, и бег символов приостанавливался. А когда очередное предложение было прочтено и осмыслено, отделяясь от бумаги, буквы рассыпались чернильной пылью.

«Хрустальный вестник» повествовал об утреннем испытании и о заданиях для невест. Леан не солгал, мне действительно пели дифирамбы все горожане. По крайней мере так утверждала волшебная бумажка. Именно такую щедрую и отзывчивую правительницу подданные империи мечтали видеть на Сумеречном престоле. Удостоились народного признания и всеобщей любви также Гленда с Ариэллой. И Рианнон, которой достались самые легкие проблемы. А вот к решениям остальных алиан, если верить «Хрустальному вестнику», горожане отнеслись прохладно.

Нам даже очки присуждали. И пока что рядом с именем эсселин Сольвер красовался наивысший балл.

Мне, конечно, не следовало радоваться, но ведь как все-таки приятно, когда тебя хвалят.

– Почему никогда не рассказывала об этом вестнике?

Леан довольно хмыкнул, а Мабли понуро опустила голову.

– Не думала, что вам это интересно.

– Ну почему же? Любопытно знать, что о тебе люди думают. Эссель Блодейна может мною гордиться, – съязвила.

– Гордилась бы, если бы вы во всеуслышание не заявили, что недостойны короны императрицы, – недовольно возразила служанка.

– Хрустальногорцы... эм-м... в общем, жители столицы приняли мое заявление за проявление врожденной скромности. А скромность, как известно, украшает алиану. Разве не так?

Мабли что-то буркнула себе под нос, но развивать тему не стала.

– Верни это его светлости. – Я протянула Леану коробочку, но потом вспомнила, кому вручаю баснословно дорогое украшение, и спешно отдернула руку от раскрывшейся ладони пажа. – Хотя нет, лучше я сама верну ему перед ужином.

И популярно объясню, чтобы больше не думал мне ничего присылать. Еще бы как-нибудь ненавязчиво намекнуть, что замуж за него Фьярра в любом случае не пойдет... Даже если вылетит с императорского отбора.

Увы, в этом вопросе мое или Фьяррино мнение князю Ритерху и Хентебесиру было параллельно.

– Вам пора собираться, – напомнила Мабли о пыточном вечере в обществе Ледяного и Огненного.

– Найди придворного лекаря и спроси, свободен ли он сегодня вечером, – отправила я Леану на задание, а сама потащила за Мабли в купальню.

Превращаться в нежного распрекрасного ангела, коим была Фьярра и которым я ни для одного из вельможных тальденов становиться не желала.

* * *

После омовений в бассейне, выложенном перламутровой мозаикой с вкраплениями позолоты, настало время расслабляющего массажа под мелодичные напевы Мабли. Пока девушка усердно натирала меня душистыми маслами, я почти примирилась с постылой реальностью. Одеваясь к ужину, внушала себе быть с его великолепием вежливой и сдержанной. В общем, вести себя как пай-девочка.

Нравится мне это или нет, но Далива ему жизненно необходима. Я, как оказалось, – нет. Не жизненно. Да и он мне теперь вроде как тоже не нужен. Теперь, когда точно решила помахать Адальфиве ручкой.

А значит, нечего закатывать тут истерики. Ни себе, ни всяким подмороженным драконовладикам.

Мабли, как обычно, сама определилась с нарядом. Бархатное платье цвета темного винограда, расшитое по подолу блестящей нитью, закрыло собой нижнее из серебряной парчи. Прорезы серебра виднелись в прорезях присборенных рукавов, в разрезах верхнего платья, провокационно тянувшихся от бедра.

Волосы не стали скалывать – и так уже опаздывала. Только фероньерку на голову присобачила, иначе бы служанка от меня не отстала. Лоб украсило массивное украшение из бриллиантов и все того же серебра. Золото незамужним девицам носить здесь не полагалось.

Вот только это правило почему-то не распространялось на ее душу сиятельство, с которой я, как назло, повстречалась по пути в Карминовую столовую. Графиня задумчиво мерила шагами небольшую круглую залу, на стенах которой полыхали факелы, раскрашивая бликами старинные щиты с перекрещивавшимися на них мечами. Я, спешившая, потому как не хотела являться на ужин последней, скорее всего промчалась бы мимо Даливы, даже ее не заметив.

Если бы д'Ольжи вдруг не обернулась и меня не впаяло в пол цепким взглядом матерой хищницы.

Гадкое чувство, что я – добыча, прокралось в душу, тошнотворным комом осело где-то в желудке.

Первым желанием было повернуть обратно, вторым – проскочить мимо ненавистной фаворитки. Третье приятно пощекотало нервишки – руки так и тянулись к одной из ржавеющих железяк, дабы огреть ею любовницу Герхильда. Ну или нанизать. Понятно, кого и на что.

Заглушив трусливо-маньячные порывы, гордо расправила плечи. Не без зависти отметила, как графине идет медового цвета платье с ниспадавшими до пола расклешенными рукавами и со вкусом подобранная к наряду золотая парюра, обильно инкрустированная агатами. Небось подарочек от Скальде.

Что я там себе всего полчаса назад внушала?

Далива походила на солнышко, только пятнистое. Темные камни украшений как будто отражали ее гнилую сущность. А другой она в моем представлении просто быть не могла. Наверное, во мне сейчас говорила ревность, которую, как оказалось, было не так-то просто унять. Но графиня в моих глазах была вся насквозь прогнившая.

А вскоре у меня появилась возможность в этом еще раз убедиться.

– Я вас ждала, эсселин Сольвер, – остановила меня златовласка.

Меня, уже нацелившуюся взглядом на каменный рукав прохода.

В бликах пламени лицо д'Ольжи казалось еще более прекрасным: мягкие и такие притягательные черты, большие блестящие глаза, пухлые чувственные губы...

Которые Скальде вчера терзал поцелуями.

Выдохнула, мысленно напоминая себе о недавней медитации. Эта стерва – пока что его спасение. А я так – временное увлечение. Скорее даже, кратковременное.

– Увы, я спешу, – попрощалась сдержанно.

Сделала несколько быстрых шагов к спасительному полумраку галереи и почувствовала, как ноги подкашиваются от выпущенного мне в спину внезапного снаряда.

– Я видела тебя вчера в его спальне.

«И что? Я тебя там тоже видела. До сих пор не могу развидеть...» – проворчала мысленно.

Обернулась, услышав шуршание тяжелых юбок. Далива подошла ко мне и сказала с такой любезно-приторной улыбкой, что ее сладость сразу захотелось запить:

– Не знаю, что вы там забыли, но послушайте моего совета, эсселин. На будущее может пригодиться. Незамужним девицам не пристало заявляться в покои к мужчине. Тем более посреди ночи.

Да что ты говоришь!

– Перенаправьте лучше совет себе. – Каюсь, не сдержалась. Следовало продолжать двигаться по заданной траектории, в Карминовую столовую, но меня уже понесло. – Вы, эсселин д'Ольжи, тоже ведь незамужняя. И что-то мне подсказывает, что таковой и останетесь. Почтенным эрролам подавай неискушенных в постели девственниц, а секунд-хендом они брезгуют.

Уголки губ мамзели, по-прежнему растягивавшиеся в елейной улыбке, дернулись, словно при нервном тике. На какой-то миг лицо хрэновой моралистки исказила преотвратнейшая гримаса. Должна сказать, Даливе она шла. В том смысле, что с ней графиня выглядела натуральнее, чем со всеми своими карамельными выражениями, которые привыкла цеплять на себя.

– Зачем мне муж, когда у меня есть император? – совладав с эмоциями, безразлично пожала плечами фаворитка и принялась ходить вокруг меня, скользя по полу тяжелым шлейфом, будто хвостом рептилия.

Ну вылитая змея.

Вспомнился первый вечер в Ледяном Логе, когда она точно так же меня разглядывала. Надменно, свысока. Уже тогда графиня мне не нравилась. А сейчас все внутри вскипало от

ненависти, от жгучей ревности. От которой так и не смогла избавиться. Она лишь затаилась где-то глубоко в сердце и вот теперь ядом выплеснулась наружу, когда оно снова пошло трещинами.

– Мне не нужны обручальные клятвы. Вчера Скальде... его великолепия, конечно же... Снова доказал мне и... показал наглядно (не раз, кстати), как сильно меня желает. Не думаю, что после женитьбы что-то изменится. Он просто уже не сможет от меня отказаться. От того наслаждения, что получает, когда я рядом.

Можно я сделаю ей хакакири? Можно? Пожалуйста! Правда, мечи наверняка тупые. Ничего! Отпилим.

– Очень за вас с ним рада... Вы все сказали? – спросила холодно, хоть ледяная броня, в которую с усилием себя облекла, стремительно истончалась. Тоже трещала.

А под ней – буря, ураган. Цунами ярости, которое в любой момент могло накрыть меня с головой. И тогда уже я буду не я. И точно не мышка Фьярра.

Ну и как после такого играть в пай-девочку с Герхильдом?!

– Мне, право, неловко, что вы застали нас в такой... хм... пикантной ситуации, – продолжала давить на больную мозоль златокудрая мегера. Как будто наступала на сердце каблуком. Шпилькой. Металлической. – К счастью, Скальде вас не заметил. Был всецело поглощен мной.

– Мне бы на вашем месте тоже было неловко. Благо я не на вашем месте. Полагаю, не очень-то приятно из года в год выполнять роль плевательницы.

– Ты забываешься, девочка.

Напускного дружелюбия как не бывало, и слащавыми улыбками меня больше не награждали.

– Ты здесь никто! Я – его фаворитка. Женщина, с которой он уже два года делит не только постель, но и доверяет мне самое сокровенное. Все свои мысли. А с тобой? Была ли у вас с ним хотя бы одна задушевная беседа? Ледяной, может, тобой и увлекся. Но это ненадолго. Только я сумела задержаться возле него. А потому осторожней. Смотри, как бы тебе не пожалеть о своих дерзостях.

Зеленющие, как у кошки, глаза императорской подстилки уже почти вылезали из орбит. Видать, так усердно старалась меня ими испепелить.

Боюсь, я бы все-таки не выдержала и отвела душу: намотала бы на кулак пламенную гриву этой кобылы и протатила по всему замку. Потом бы наверняка огребла за это. Быть может, даже вылетела с отбора. За недостойное алианы поведение и за оскорбление любимицы Герхильда. Но сколько бы удовольствия получила от самого процесса! Ммм...

Жаль, кайф обломал непонятно откуда взявшийся кьерд. Когда уходила, лентяй преспокойно дрых вверх пузом возле камина. А теперь, намертво вцепившись зубами и когтями в подол роскошного наряда графини, шипел и остервенело тянул за юбку.

Ткань предупреждающе затрещала. Д'Ольжи от такой коварной атаки завизжала.

– Вот и Крейн мне вчера тоже угрожал. Помните, что стало с его лицом?

Далива испуганно вскрикнула, прижав ладони к алеющим щекам. Пыталась отскочить – не тут-то было. Снежок вошел в раж, явно перепутав себя со щенком, а юбку мадемуазель фаворитки – с лакомой косточкой.

– Сейчас же прикажи ему уgomониться! – зашипела выдра. – Поразводили тут всякую мерзость! – сплюнула презрительно.

Хорошо хоть, не на кьерда. А то бы живой из этой комнатухи точно не вышла.

«От мерзости слышу!» – едва не показала ей язык.

Подавив в себе этот детский порыв, подхватила питомца на руки, так что у ее сиятельства некрасиво задралась юбка, и попросила ласково:

– Брось каку, малыш.

Снежок послушно разжал острые клычки, но шипеть не перестал. Коготки пришлось отцеплять по одному, чувствуя на себе ненавидящий взгляд д'Ольжи.

– Лучше бы эту тварь тогда усыпили! – освободившись, отскочила от нас подальше.

Тварь. Мерзость. Ну знаете ли...

Да пусть спит с кем угодно! Плевать! Но обижать моего питомца...

Далива хочет войны? Что ж, она ее получит. Д'Ольжи еще не знает, на что способна фальшивая алиана-попаданка, обожающая котиков и не переваривающая пресмыкающихся. К коим я относилась и графиньку.

– Ваше сиятельство, вынуждена откланяться. Как бы с вами ни было занятно беседовать, но меня ждет *мой* жених. Хорошего вам вечера. Не захлебнитесь собственной желчью.

Не оглядываясь, поспешила прочь, унося с собой на руках все еще шипящего и недовольно пофыркивающего кьерда.

Глава 11

Снежок недолго пропутешествовал у меня на руках. Не успела я миновать галерею, дробью каблучков разгоняя объявшую ее тишину, как кьерд завозился, принялся вырываться, требуя сию же минуту поставить его снежную тушку на пол.

– Так! Только не вздумай охотиться на графиню, – строго наказала непоседе. – И вообще, держись подальше от этой нехорошей женщины. Лучше я потом сама за ней поохочусь. Договорились?

Питомец коротко мяукнул. Надеюсь, выражал согласие с намеченным планом. Мягко приземлившись на лапы, дернул хвостом, будто махал им на прощание, и потрусил по сумрачному коридору, рассыпая по каменным плитам искрящиеся снежинки. А я подошла к дверям Карминовой столовой, подсвеченным ярко-красным узором. Нужно было, перед тем как войду внутрь, собрать в кучку остатки терпения, выдержки и миролюбивого настроения.

Не вышло. Кучка рассыпалась тлеющими углями, над которыми затрепетало, стремительно разгораясь, пламя.

«Ледяной, может, тобой и увлекся. Но это ненадолго», – отпечатались в сознании отравленные насмешкой фразы.

Это он-то мной ненадолго? Да это я им ни разу не увлечена! Так только, магией насильно привязана.

В сердцах достала заткнутую за пояс коробочку с нежеланным подарком.

– К таграм все! – Сдернула с хентебесировского подношения ленту, и та плавно, мазнув по юбке, скользнула на пол.

С горем пополам прицепила брошь к лифу платья, хоть пальцы ни в какую не желали повиноваться, мелко дрожали. Кивнула лакею, безразлично наблюдавшему за возней императорской невесты, и тот, поклонившись, распахнул передо мной двери.

Первым, кого заметила, был Хентебесир. При виде меня Огненный расплылся в счастливой улыбке. А секундой позже уровень эндорфинов в крови его светлости резко повысился. Методично прощупывая меня взглядом, тальден заприметил свой рубиново-бриллиантовый подарок и засиял трехсотваттовой лампочкой.

Я уже успела сто раз пожалеть и проклясть себя за то, что приколола брошь. И теперь, кусая губы, мысленно ругала себя же, импульсивную, за сиюминутное умопомрачение. Сама того не желая, дала идиоту надежду. Потом ведь придется расхлебывать...

Кое-как обуздав эмоции, опустилась в реверансе перед вторым тальденом, хоть Герхильд даже головы не соизволил повернуть в мою сторону.

Кашлянула, заявляя о своем появлении. Пыль на обуви – и то будет заметней.

Его слепоглухонемое хамство восседал во главе длинного стола, пестуемый женским вниманием. По правую руку от драконокобеля устроилась Керис, по левую – ярая фанатка Герхильда, Майлона. Я, как и опасалась, пришла последней, а потому была вынуждена занять единственное оставшееся свободным место – возле мисс злючки. К нему и направилась, устав корячиться в реверансе.

По мне все-таки мазнули вельможным взглядом, холодным и острым, будто делали надрез скальпелем. Много-много микроскопических надрезов.

Обойдя тальдена на максимальном расстоянии (из-за действия привязки сердце снова решило устроить скачки, ладони стали влажными, а мурашки отправились в торжественный марш по спине), опустилась на стул и услышала фирменно-насмешливое:

– Эсселин Сольвер, вы все же решили порадовать нас своим присутствием.

– По-моему, это решила не я.

Тепло улыбнулась Гленде, сидевшей справа от меня. Кивнула устроившейся напротив Ариэлле и покосилась на Керис, соседствовавшую с Герхильдом. Алиана выглядела раздосадованной. Краснела и по-детски дула губы, ведь я снова имела наглость перетянуть внимание его вельможества на себя.

– Если вас так тяготит мое общество или общество других эсселин, могли бы остаться у себя. Силой бы вас сюда тащить не стали.

«Ну тогда я пошла», – едва не сорвалось с языка.

Напомнив себе о первоначальном плане – быть лапонькой, – улыбнулась кротко и, склонив голову, как и полагается воспитанной алиане, мягко произнесла:

– Ну почему же? Я рада быть здесь. Среди подруг, – сделала ударение на последнем слове.

И тут же вспыхнула под тяжелым, пристальным взглядом, чувствуя себя глупым мотыльком в банке, отчаянно рвущимся к обжигающему пламени.

Чертовы чары.

Слуги принесли первые блюда, и на какое-то время Герхильд, к счастью, забыл о моем существовании. По крайней мере делал вид, что я – неживое дополнение стула. Вышивка там на мягкой спинке или потертое сиденье. Стоит признать, у него это неплохо получалось. Его великолепие с самым внимательным видом вслушивался в воркотню Майлоны, снова о чем-то шептался с Керис. Интересовался настроением задумчивой Ариэллы, взглядом уговаривавшей меня вести себя сдержанней.

Хотя куда уж сдержанней! Я и так чувствую себя перекачанным гелием воздушным шаром. В любую секунду могу бабахнуть.

Пока Хентебесир неохотно общался с соседками, Рианнон и Глендой, а его кузен развлекал алиан справа и слева, я давилась мясом. Нет, крольчатина была отменной. Сочная, мягкая, под пряным соусом. И песочный пирог с голубятиной, который только раскрошила по тарелке, тоже был выше всяких похвал. Но я не ощущала вкуса. С таким же успехом могла сейчас распиливать и жевать резину.

Вздрогнула, услышав неожиданное:

– Какая красивая у вас брошка, эсселин Сольвер. Вижу, быстро нашли замену старой.

Еще один любитель посыпать соль на рану.

Метнула в Ледяного полный бессильной ярости взгляд, хотя с большим удовольствием заменила бы его ножом (всеми ножами, что были в моей досягаемости), и проговорила с мстительной улыбкой:

– Не имею привычки держаться за прошлое. А эта брошь и правда очаровательна.

– Мой подарок? – вопросительно заломил бровь Скальде. – Или привезли из дому?

Пока я гадала, что бы такое ответить, слово взял на себя подбоченившийся Хентебесир:

– Это я сделал эсселин Сольвер подарок. В качестве извинения за проступок моего человека. Хотя, конечно, ни одно украшение не способно залечить душевную рану, что нанес эсселин Фьярре этот мерзавец.

Скальде задумчиво усмехнулся. Он почти не притронулся к еде. Несколько раз подносил к губам кубок черного серебра, пока слушал сидевших рядом трещоток. И вот сейчас тоже лениво поцеживал вино.

В Карминовой столовой стало оглушающе тихо. Не слышно было ни звука ударяющихся друг о друга столовых приборов, ни даже потрескивания поленьев в каминах.

Только сердце мое громко билось о ребра.

– Разве я разрешал тебе делать моей невесте подарки? – Голос тальдена звучал пугающе вкрадчиво.

– Эта брошь – мое извинение за все произошедшее, – занервничал Хентебесир.

– В следующий раз на словах извиняйся, – мрачно отрезал Герхильд. – Впрочем, следующего раза не будет. – Меня снова удостоили выворачивающим наизнанку взглядом и словами,

в которых похрустывала ледяная крошка: – Эсселин Сольвер, я запрещаю вам принимать что бы то ни было от других мужчин. Вам ясно? Только от меня, пока вы находитесь в Ледяном Логе. На время отбора это касается всех эсселин.

Алианы слаженно потупились, будто нашкодившие котята. Хотя ни одна из них, больше чем уверена, ничего ни от кого не принимала. Все невесты слишком трепетно относились к соблюдению традиций и правил и истово блюли собственную репутацию.

– Заберете и эту брошку?

Каюсь, снова не сдержалась.

– Что ж, эту носите, если она вам так нравится.

– Признаюсь... я в нее влюбилась с первого взгляда.

Зря так сказала. Ох, зря.

Серую радужку заволокла тьма, и в ней мне виделись пляшущие над свечами языки пламени.

– Полагаю, эсселин Сольвер уже поела.

Тальден поднялся, и мне сразу поплохело.

– Но я...

Закончить не успела. В пару шагов преодолев короткое, разделявшее нас расстояние, Скальде схватился за спинку стула, буквально выдернув его из-под меня. Я подскочила как ошпаренная, иначе бы некрасиво шлепнулась на пол. Обернулась, впиваясь взглядом в его гадство.

– Что вы себе позволяете?!

Пальцы с силой сжались в кулаки. Не сразу почувствовала боль от вонзившихся в ладони ногтей.

Ноль реакции. Как будто со шкафом разговариваю.

– Эсселин Сольвер очень устала, – обратился обломок льдины к притихшей публике. – И очевидно, еще не отошла от вчерашних переживаний. Будет лучше, если она вернется к себе. Пойдемте, эсселин, провожу вас.

– И вовсе я не устала!

– Скальде! – типа вступился за меня Хентебесир (рыцарь хренов), но как-то сразу сдуплся под хищным взглядом драконьих глаз.

Меня бесцеремонно сцапали за локоть и поволокли к выходу. Мимо пунцовой Керис, наспуленной Майлоны, встревоженной Ариэллы. Мимо заставленного яствами стола. Из прогретой каминами, озаренной теплым светом комнаты – в сумрак и холод замковых коридоров.

Оставалось только мысленно материться и гадать, доберусь ли живой до своих покоев.

* * *

Позади остались молчаливый лакей и массивные створки Карминовой столовой, оттененные алым узором. Впереди же маячил не менее молчаливый, а еще мрачно-грозный Герхильд, не выпускавший моей руки из своей. Пальцы тальдена были горячими, если не сказать раскаленными (ну вот какой из него Ледяной?); от прикосновения ладони к ладони меня потряхивало. Вчера я точно так же следовала за Крейном по каменному лабиринту бесконечно длинных коридоров, и каждое касание герцога вызывало во мне чувство, близкое к отвращению.

То, что испытывала сейчас, влекомая тальденом в пугающую неизвестность (ладно, просто в свои апартаменты), язык не поворачивался назвать отвращением. Хоть и очень, очень хотелось. Но плоть, дурная, слабая и совершенно безвольная, отзывалась на его близость сумасшедшей дрожью.

Не менее сумасшедшим огнем, плескавшимся в венах.

Лучше бы он до меня вообще не дотрагивался! Без зачарованной булавки я от близости мага становилась как будто пьяной. Никакого вина не надо.

И где Снежок, когда нужно спасти хозяйку? Почему не шипит на Скальде?!

– Хватит дергать меня за руку! И вообще, ты обещал, что забудешь дорогу в мою комнату! А теперь сам же меня туда тащишь! – Попыталась притормозить и спасти разнесчастную кисть от обжигающего захвата, пока она на самом деле не запылала. Пока я вся не занялась пламенем. – Не умеете вы, ваше великолепие, держать слово. За последние сутки я убедилась в этом не раз!

Из груди вырвалось что-то среднее между испуганным вскриком и судорожным вздохом, когда меня резко прижали к стене. Точнехонько меж двух факелов, огнем облизывавших почерневшую кладку. Теплые золотые блики ложились на напряженное лицо нависшего надо мной дракона, но даже они были не в силах смягчить хищные, заострившиеся черты. Казалось, стоит легонько коснуться резко очерченного подбородка, острых скул – и придется бежать к Хордису бинтовать порезы.

Но я, конечно же, не буду этого делать – дотрагиваться до Герхильда. Хоть все внутри, каждая моя клетка, ныло от нестерпимого желания протянуть к тальдену руку. И на губы, оказавшиеся в опасной близости от моих, смотреть тоже не буду!

Слишком близко. Слишком горячо. От прерывистого дыхания, от тяжести драконьих рук, властно прижимавших меня к холодному камню. От этого безумного контраста – лед и пламя – кожа покрывалась мурашками, и пресловутые бабочки, оседая внизу живота, завязывались в узелки.

А ведь с булавкой я почти собой управляла. С булавкой мне бы, конечно же, не хотелось прижаться к нему теснее. Собственным телом почувствовать его злость... ну или кое-что другое.

Чертов магический мир! Чертовы законы, по которым алиан привязывают к тальденам наваянной любовью!

– Доволен? – зло выцедила в драконью морду. – Нравится наблюдать за тем, что со мной вытворяет тагрова привязка? Нравится меня мучить? Чувствовать себя господином безвольной куклы. Может, снова меня поцелуешь? Я ведь даже не смогу тебе противиться. А? Каково это, ваше великолепие, быть хозяином марионетки?!

И правда ведь не смогу противиться. Еще немного, и сама к нему потянусь.

Тальден скользнул взглядом по моим губам. Как чуть ранее ладонями по плечам, обжигая своими касаниями даже через ткань платья. И только тут я поняла, что меня не удерживают.

Что я сама, добровольно остаюсь у него в плену.

– Может, и поцелую, – хриплым шепотом прозвучала угроза-обещание. – Но сначала хочу понять, что происходит? Фьярра, я не люблю играть в игры. И больше не стану терпеть твои выходки, как сегодня в зале приемов. Что, тагры побери, с тобой творится?! – Блики пламени отражались в его глазах, и я, как будто связанная по рукам и ногам, беспомощно тонула в этом серебряно-золотом омуте, захлебываясь и теряя разум. – Я не узнаю тебя, Фьярра, – зазвенело в ушах хлестким упреком.

Зажмурилась, силясь прогнать больно ранящие воспоминания. Вытравить из сознания ядовитые слова графини.

Не вышло.

Подавшись к Ледяному, которого сейчас можно было запросто принять за Огненного, выпалила, понимая, что больше не могу в себе это держать:

– Действительно хочешь знать, что со мной происходит?!

Скальде смотрел, не сводя глаз. Жесткий, напряженный, уже готовый вырвать из меня признание. Я не чувствовала в нем ни капли раскаяния, ни даже крупинцы осознания, *что* он вчера натворил.

Вот ведь подмороженный. На оба полушария. Все ему разжуй да в рот положи.

– Я видела тебя! – выдохнула, вкладывая в свой голос, свои слова всю боль и обиду. – Видела, как ты и она...

Осеклась под заледеневшим, ставшим каким-то мутным взглядом. Будто бельмо напозло на серые, некогда ясные глаза. Тальден пошатнулся, что-то прошипел хрипло. А потом... больно схватил меня за плечи и как какую-то тряпичную куклу или невесомую пушинку отшвырнул от себя.

За мгновение до того, как на щербатый камень пола, на стену, с которой я едва не стала одним целым, с молниеносной скоростью стали напоззть щупальца льда. С трудом устояла на ногах, расширившимися от ужаса глазами наблюдая за тем, как пламя – жаркое, трепещущее, ярко-оранжевое, полыхавшее над древками факелов... застывает пучками льда. Вот так и я, если бы не оттолкнул вовремя, даже не успев стать ари, отправилась бы в сад симпатичной статуей.

Тальден содрогнулся, вжимаясь ладонями в растянувшуюся по стене толщю льда.

– Скальде...

– Отойди, – глухой, почти безжизненный голос. – Уходи скорее!

Внутри все похолодело, как будто ядовитая магия Герхильдов пускала корни не только в галерее, но и в моем теле.

Лед продолжал смертоносными побегими стелиться по плитам пола, острыми клыками скалился с потолка. Я отступила на несколько шагов, когда мертвенная стужа чуть не сцапала носки моих туфель, угрожающе дернула за край юбки.

Отшатнувшись, замерла, не в силах выполнить его требование. Ни за что не оставлю его одного в этом капкане изо льда! Хотя от пронзительно-яркого свечения, объявшего руки тальдена, опасного, способного заморозить в одно мгновение, подкашивались колени и слепило глаза. И сердце стучало уже у самого горла, готовое в любой момент запнуться.

Если он не остановится. Если не сумеет обуздать рвущуюся на волю силу. Если с ним что-то случится.

Я видела, как в голубоватом мареве, окутавшем руки Герхильда, вырисовываются широкие кисти с взбугренными от напряжения венами. Пальцы яростно сжимались в кулаки. Точно так же губы плотно смыкались на мертвенно-бледном лице.

Свечение померкло внезапно, растаяв в полумраке. По ледяной корке, разветвляясь, змеями поползли трещины. А потом она обрушилась на пол звонкой капелью. Вместе с ледяными осколками.

Один из таких едва не стукнул меня по темечку.

Все произошло в момент, когда тальден опустил руки. Вздохнул, изможденно прикрывая веки. Пошатнулся.

– Скальде!

Бросилась к нему, успела подхватить в последнее мгновение и вместе с ним, под тяжестью ставшего непослушным тела, рухнула на колени. Если совсем недавно кожа Герхильда была горячее раскаленного на солнце листа железа, то теперь жгла холодом. Как будто я прижимала к себе скульптуру из промерзшего камня.

Неживую.

Гипсовой маской застыло лицо. Губы белее мела, и даже в сгустившейся тьме я различила залегшие под сомкнутыми веками тени.

– Помогите! – крикнула что есть силы. – Пожалуйста! Сюда! – И продолжала кричать, до хрипов, до срывающихся с губ стонов отчаяния, пока не примчалась стража, а за ними из столовой охающей гурьбой не прибежали алианы. И кто-то еще...

Перед глазами мельтешили лица, в ушах звенело от сонма голосов. Придворные все прибывали, беря нас в плотное кольцо. А я сидела, мокрая, озябшая, пытаюсь согреть в ладонях

его лицо. И в оглушительной, такой раздражающей какофонии силилась уловить единственно важное – его дыхание.

И пока вслушивалась, кажется, сама забыла, как дышать.

– Разойдитесь! – прогремело выстрелом. – Да скорее же!

По приказу эррора Хордиса тальдена подхватила стража и понесла в покои будущего императора. Лекарь поспешил за ними, что-то втолковывая своей новоиспеченной помощнице, оправданной на утреннем суде.

Кто-то взял меня под руки, потянул вверх, помогая подняться. Кажется, один из стражников.

– Вы как, эсселин?

Не помню, что сказала, да и вообще, ответила ли. Смешалась с придворными, шумным потоком хлынувшими к покоям его великолепия. Я сомнамбулой следовала за ними.

Шла будто в бреду, видя перед собой лишь остекленевшие глаза Скальде. А больше – ничего. Все поглотил вязкий полумрак замка. Вокруг меня сновали безликие силуэты. Не люди – лишь блеклые тени.

И я вдруг осознала, четко и ясно, что если с ним что-нибудь случится... Если это что-то непоправимое...

Мой мир навсегда останется полон таких теней.

Глава 12

В крыло наследника никто, кроме слуг и охраны (ну и конечно, златовласой дылды, куда ж без нее), не допускался. И тем не менее просторный зал, что вел в личные апартаменты тальдена, сейчас напоминал растревоженный муравейник. Вокруг меня сновали люди, отовсюду слышались горькие всхлипы и печальные вздохи. Воздух звенел от напряженного шепота, то чуть затихавшего, то снова усиливавшегося, брызжущего во все стороны. Казалось, здесь собрались на похороны. Будто придворные уже заранее оплакивали своего будущего повелителя.

Я нервно ходила из угла в угол, косясь на высокие стрельчатые двери. За ними – темная комната, в которой вчера едва не скончалась от ревности. Но сейчас это не имело значения.

Там, во мраке галереи, пока сидела на мокром полу в окружении тающих льдин, больше всего на свете боялась, что он не очнется. Что может погибнуть. Обезуметь.

Неужели это я спровоцировала выплеск магии?

Вот гадство.

Ревность и обида ослепили меня. Ослепили настолько, что я напрочь забыла о долгаттах – самом страшном кошмаре любого оборотня-мага. Если Скальде сочтут опасным, если решат, что он больше не может себя контролировать и пора найти ему замену... На охоту отправят этих тварей.

А все из-за моих вывертов. Ну и конечно, из-за его лжи.

Но пусть уж лучше будет лжецом, чем трупом!

Я отмахнулась от Майлоны, все пытавшейся ухватить меня за руку, развернуть к себе и выпытать, что же такое произошло между мной и Герхильдом, что даже сила его вышла из-под контроля.

– Не сейчас, – отвернулась от эсселин Фройлин, надувшейся, как бурундук, напихавший себе за щеки желудей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.